

18+

НОВЫЙ ПЕРЕВОД

ЛИВЕР
ГОЛДСМИТ
**ВИКАРИЙ
ИЗ
ВЕКФИЛЬДА**

перевод
Алексея Козлова

Оливер Голдсмит
Викарий из Векфильда.
Перевод Алексея Козлова

«Издательские решения»

Голдсмит О.

Викарий из Векфильда. Перевод Алексея Козлова /
О. Голдсмит — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-645875-8

«Викарий из Векфильда» («The Vicar of Wakefield») — новый, адаптированный перевод Алексея Козлова романа-сказки английского писателя Оливера Голдсмита. Впервые опубликованный в 1766 году, роман описывает неслыханные бедствия семьи священника, которому благодаря Провидению удаётся преодолеть все беды.

ISBN 978-5-00-645875-8

© Голдсмит О.
© Издательские решения

Содержание

Викарий из Векфильда	6
Глава I	7
Описание семьи Векфильдов, в которой обнаруживается родственное сходство не только в умах, но и в личных качествах	7
Глава II	10
Несчастья валятся на семью. Потеря состояния только усиливает гордость достойных	10
Глава III	13
Переселение. Обычно случается, что в конце концов человек становится кузнецом своей судьбы	13
Глава IV	19
Даже при самом скромном достатке возможно счастье, ибо оно заложено в нас самих и не зависит от внешних обстоятельств	19
Глава V	22
Появился новый и замечательный знакомый. То, на что мы возлагаем больше всего надежд, обычно оказывается самым фатальным	22
Глава VI	25
Счастье сельчанки у камина	25
Глава VII	28
Написанная городским острословом. Самые тупые парни могут научиться быть смешными за одну-две ночи	28
Глава VIII	32
Роман, который не сулит большой удачи, но может принести много пользы	32
Глава IX	38
Появление на просцениуме двух знатных дам. Кажется, что роскошный наряд всегда свидетельствует о превосходном воспитании	38
Глава X	41
Семья старается держать нос морковкой и сравняться с теми, кто выше её по положению. Несчастливы бедняки, которые пытаются казаться преуспевающими богачами	41
Глава XI	44
Семья по-прежнему полна решимости высоко держать планку и нос по ветру	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Викарий из Векфильда

Перевод Алексея Козлова

Оливер Голдсмит

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

Переводчик Алексей Борисович Козлов

© Оливер Голдсмит, 2025

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2025

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2025

ISBN 978-5-0064-5875-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Викарий из Векфильда

«Спаси несчастных, пещера счастья!»

Рекламное преуведомление

В этом сочинении явно обнаружится куча недостатков, и одновременно отыщется куча доводов, доказывающих его несомненные достоинства и красоту. Однако в этом нет никакой необходимости. Книга может быть забавной с массой ошибок, или средоточием скуки, без единого промаха. Герой этого труда совмещает в себе три величайших добродетели мира – священника, земледельца и счастливого отца семейства. Он явлен нам готовым учить и учиться, повелевать и повиноваться, явлен простым в достатке и величественным в невзгодах. Кому в наш век богатства и утонченности может понравиться такой персонаж? Те, кто любит светскую жизнь, с презрением отвернутся от простоты его загородного очага. Те, кто принимает грубость за юмор, не найдут остроумия в его безобидной, мирной беседе; а те, кого научили высмеивать религию, будут смеяться над тем, чьи неизбывные сокровищницы утешения таятся в будущем.

Оливер Голдсмит

Глава I

Описание семьи Векфильдов, в которой обнаруживается родственное сходство не только в умах, но и в личных качествах

Я всегда придерживался мнения, что честный человек – только тот, кто вовремя женился и при этом умудрился воспитать большое семейство, ибо он оказал этим гораздо более существенную услугу обществу, чем тот, кто остался холостяком и только болтал о «благе человечества». Исходя из этого, едва я успел достичь совершеннолетия, как начал всерьёз задумываться о браке, и посему выбирал себе жену так же, как она выбирала своё свадебное платье, предпочитая ту или иную материю не из-за красивого рисунка или блестящей поверхности, а из-за прочности ткани, которая не должна так уж быстро изнашиваться.

Наконец мои поиски увенчались успехом.

Надо отдать ей должное, моя избранница оказалась знатной и очень доброй женщиной; а что касается воспитания, то мало кто из деревенских дам мог продемонстрировать больше истинного благочестия, чем она. Она могла, особо не разбираясь в правописании, лихо прочесть любую книгу на английском языке, при том, что в мариновании, консервировании и кулинарии она взлетела куда выше ина кухне не знала себе равных, никто не смог бы в этом превзойти её. Она гордилась также тем, что была превосходной хозяйкой в имении, и изошрялась в экономности и рачительности, хотя я ни разу не заметил, чтобы мы становились богаче благодаря всем её ухищрениям. Однако мы нежно любили друг друга, и наша привязанность возрастала по мере того, как мы старели. На самом деле не было ничего, что могло бы заставить нас разозлиться на мир или друг на друга. У нас был элегантный дом, расположенный в прекрасной ухоженной стране, и он располагался в хорошем районе. Тот год мы провели в светских или, лучше сказать, сельских развлечениях – ездили в гости к нашим богачам – соседям и, чем могли, помогали тем, кто был беден. У нас не было причин бояться ни революций, ни переутомления. Все наши приключения и походы не выходили за пределы окрестностей камина, а все наши переселения ограничивались сменой летней спальни на зимнюю.

Поскольку мы жили совсем недалеко от большой проезжей дороги, к нам часто наведывались путешественники, в основном незнакомые нам люди, чтобы отведать нашего крыжовенного винца, благодаря которому у нас была отличная репутация; и я заявляю с правдивостью историка, что никогда не видел, чтобы кто-нибудь из них придирался к нашему фирменному напитку или остался им недоволен. Все наши двоюродные братья тоже, примерно до сороковых годов, прекрасно помнили о своем родстве без какой-либо помощи со стороны редакции «Геральд» и геральдических тревников и очень часто навещали нас. Некоторые из них не смогли оказать нам слишком большой чести своими притязаниями на родство, поскольку среди них была масса слепых, увечных и хромых. Однако моя жена всегда настаивала на том, что, поскольку они из одной плоти и крови с нами, они обязательно должны сидеть с нами за одним столом.

Так что, поскольку наши гости как правило не блистали особенным богатством, нас всегда окружали всем довольные и очень счастливые друзья, ибо есть замеча-

ние, которое останется в силе на всю жизнь: чем беднее гость, тем больше он доволен тем, как с ним обращаются. По своей натуре я был поклонником счастливых человеческих лиц, в той же степени, как некоторые люди с восхищением смотрят на цветок тюльпана или восхищаются расцветкой крыла бабочки. Однако, если кто-нибудь из наших родственников оказывался человеком с очень скверным характером, надоедливым гостем или тем, от кого мы поневоле хотели избавиться, то, выпроваживая такого из моего дома, я всегда заботился о том, чтобы одолжить ему пальто для верховой езды, или пару сапог, а порой и плохонькую, хромоногую лошадь, и при этом всегда испытывал удовлетворение, обнаружив, что он так и не вернулся, чтобы вернуть их. Таким образом, дом всегда был чист от тех, кто нам не нравился; но никто никогда не мог сказать, чтобы семья Векфилдов выставила за дверь хоть одного безродного путешественника, скитальца или бедного иждивенца.

Таким образом, мы прожили несколько лет в состоянии величайшего счастья, если не считать того, что иногда нам доставались те маленькие неприятности, которые посылает Провидение, чтобы повысить ценность своих милостей. Мой фруктовый сад часто грабили школьники, а заварные кремы моей жены – кошки или дети. Сквайр иногда засыпал на самых трогательных местах моей проповеди, или его дама отвечала на любезности моей жены в церкви уж слишком, раскоряченным и уродливым реверансом. Но мы вскоре справлялись с беспокойством, вызванным подобными мелкими происшествиями, и обычно через три-четыре дня уже всё было забыто и мы задавались вопросом, что же нас так побеспокоило несколько дней назад.

Мои дети, взрослые в кровавом воздержания, отличались стойкостью характера, поскольку были воспитаны в строгости, и потому они вышли одновременно хорошо сложенными и здоровыми; мои сыновья были выносливы и сметливы, а дочери красивы и цветущи здоровьем. Всякий раз, когда я располагался в центре этого маленького кружка, который обещал стать надёжной опорой моей старости, я не мог удержаться от того, чтобы не вспомнить знаменитый анекдот о графе Абенсберге, который во время путешествия Генриха II по Германии, в то время как другие придворные приезжали со своими сокровищами, привез с собой своих тридцать двух детей и преподнёс их своему повелителю как самое ценное подношение, которое мог сделать. Таким образом, хотя их у меня было всего шесть, я рассматривал их как очень ценный подарок, который я торжественно преподнёс моей стране, и, следовательно, считал её моим должником.

Нашего старшего сына называли Джорджем, в честь его дяди, который оставил нам десять тысяч фунтов наследства. Нашего второго ребёнка, девочку, я намеревался назвать в честь её тети Гриссел; но моя жена, которая во время беременности запоем читала популярные романы, настояла на том, чтобы её назвали Оливией. Меньше чем через год у нас родилась ещё одна дочь, и теперь я был полон решимости добиться, чтобы её звали Гриссел; но богатой родственнице ударило в голову стать крёстной матерью, и по её указанию девочку назвали Софией; так что у нас в семье теперь было два романтических имени; но я торжественно заявляю, что не приложила к этому делу даже мизинца. Моисей был нашим следующим, и через двенадцать лет у нас родилось ещё два сына.

Было бы бесполезно отрицать мое ликование, когда я видел вокруг себя всех своих малышей; но тщеславие и удовлетворение моей жены были даже больше, чем мои. Когда наши гости говорили:

– Ну, честное слово, миссис Примроуз, у вас самые прекрасные дети во всей стране!

– Да, соседка, – отвечала она, – они такие, какими их сотворили небеса, и вправду они достаточно красивые, и если они достаточно хороши собой, то следовательно, судить их надо по делам их, а не по лицу!

А вслед за этим она всегда приказывала девушкам поднять головы, которые, чего уж скрывать, были, несомненно, очень красивы. Для меня внешность была настолько незначительным обстоятельством, что я вряд ли вспомнил о нём, не говоря о том, чтобы упомянуть, если бы это не было общей темой разговоров на деревенских посиделках. Оливия, которой сейчас было около восемнадцати, обладала той роскошной красотой, которую художники обычно воплощают, рисуя Гебу: открытую, жизнерадостную и властную. Черты Софии поначалу не были столь поразительны, но во многом были выражены более определенно, потому что они были мягкими, скромными и соблазнительными. Одна валила всех с ног одним ударом, другой – тихой сапой, постоянным напором и непрерывными атаками.

Характер женщины обычно определяется чертами её лица, по крайней мере, так было с моими дочерьми. Оливия желала иметь много любовников, София – заполучить одного. Оливия часто страдала от слишком сильного желания нравиться. София подавила в себе даже страх обидеть кого-то. Одна развлекала меня своей жизнерадостностью, когда я был навеселе, другая – своим здравым смыслом, когда я был серьёзен. Но ни в той, ни в другой эти качества никогда не проявлялись в избытке, и я часто видел, как они менялись характерами в течение какого-нибудь дня. Траурный костюм превращал мою кокетку в скромницу, а новый комплект лент придавал её младшей сестрёнке более, чем естественную живость. Мой старший сын Джордж получил образование в Оксфорде, поскольку я предназначал его для одной из учёных профессий. Мой второй сын Мозес, которого я прочил для бизнеса, получил дома своего рода разностороннее образование. Но нет необходимости пытаться описать особые характеры молодых людей, которые очень мало видели мир. Короче говоря, в них всех преобладало семейные черты, и, собственно говоря, у них был только один характер – все они были одинаково щедры, доверчивы, просты и беззаботны.

Глава II

Несчастья валятся на семью. Потеря состояния только усиливает гордость достойных

Мирские заботы нашей семьи лежали основном на попечении моей жены, что же касается духовных, то я полностью взял их под своё покровительственное крыло. Доходы от моей жизнедеятельности, составлявшие всего тридцать пять фунтов в год, я раздавал направо и налево сиротам и вдовам духовенства нашей епархии. Поскольку у меня было достаточно приличное состояние, я не заботился о мирских благах и испытывал тайное удовольствие, выполняя свой долг совершенно безвозмездно. Я также принял решение не держать в епархии наёмного викария, решив самому познакомиться с каждым мужчиной моего прихода, призывая женатых мужчин к воздержанию, а холостяков – к супружеству; так что через несколько лет стало общепринятой поговоркой, что в Векфильде было три странных желания: пастор желал одной горыни, молодые люди хотели жён, а пивные заведения – клиентов. Супружество всегда было одной из моих самых излюбленных тем, и я написал несколько ударных проповедей, чтобы доказать его преимущества. Но более всего я старался поддерживать особый постулат, в котором утвердился вместе с Уистоном, что священнику Англиканской церкви после смерти его первой жены запрещено даже на секунду не то, что вступать в новый брак, запрещено даже подумать об этом, или, говоря одним словом, я был фанатическим поклонником канонического единобрачия. Я рано вклинился в этот важный спор, о котором написано так много высосанных из пальца томов. Я сам опубликовал несколько трактатов по этому вопросу, которые, поскольку они никогда и нигде не удавалось продать, утешали меня тою мыслью, что их читают и ими наслаждаются лишь немногие избранные счастливики. Некоторые из моих друзей считали это моей слабостью...

Но увы! Они, в отличие от меня, не сделали это предметом долгих размышлений. Чем больше я думал об этом, тем более важным всё это казалось мне. Я даже пошёл на шаг дальше Уистона, публично продемонстрировав свои принципы: если он выгравировал на могиле своей жены, что она была единственной женой Уильяма Уистона; то я написал подобную эпитафию для своей жены, когда она была ещё жива и находилась в добром здравии. В этой прижизненной эпитафии я превозносил её благоразумие, экономность и послушание, проявленные до самой смерти; и, сделав копию в изящной рамке, повесил её вместе с женой над камином, дабы она отвечала нескольким очень полезным целям. Это напомнило моей жене о её долге передо мной и моей верности ей. Это внушило ей страсть к сохранению добродетели и доброй славы, не забывая постоянно напоминать о грядущей кончине.

Возможно, именно из-за того, что раньше мне так часто рекомендовали жениться, мой старший сын пошёл по моим стопам, и сразу после окончания колледжа привязался к дочери соседнего священника, который был облачён высоким церковным сааном, и при сложившихся обстоятельствах мог гарантировать ему большое состояние. Но надо сказать, что состояние было её не самым большим достижением. Мисс Арабелле Уилмот все, кроме двух моих дочерей, все остальные давали право быть чрезвычайно хорошенькой. Её молодость, здоровье и невинность по-прежнему подчёркивались таким матовым и прозрачным цветом лица

и такой счастливой чувственностью во взгляде, что даже зрелый возраст не мог взирать на неё равнодушно. Поскольку мистер Уилмот знал, что я мог бы заключить очень выгодное соглашение с моим сыном, выделив ему изрядные средства, он был не прочь заключить этот брак – таким образом, обе семьи жили вместе во всей той гармонии, которая обычно предшествует гарантированному союзу.

Убедившись по опыту, что дни ухаживания – самые счастливые в нашей жизни, я был готов всячески поощрять продление этого периода; а различные развлечения, в которых молодая пара каждый день проводила, находясь в обществе друг друга, казалось, только усиливала их страсть. Обычно по утрам нас будила музыка, а в погожие дни мы отправлялись на охоту. Часы между завтраком и ужином дамы посвящали одеванию и учебе. Обычно они прочитывали страницу, а затем долго рассматривали себя в зеркало, которое, по мнению даже древних философов, часто представляет из себя страницу величайшей красоты. За ужином моя жена всегда брала инициативу в свои руки; поскольку она всегда настаивала на том, чтобы всё нарезать самой, (это была манера её матери) она в таких случаях рассказывала нам историю каждого блюда. Когда мы ужинали, то для того, чтобы дамы не покидали нас, я обычно приказывал побыстрее убрать со стола; а иногда, с помощью учителя музыки, девочки давали нам очень приятный концерт. Прогулки, чаепитие, деревенские танцы и фанты занимали остаток дня, и мы не прибегали к помощи карт, поскольку я ненавидел все эти игры, за исключением нарда, в которые мы с моим старым другом иногда проигрывали по два пенни.

Тут я не могу здесь обойти вниманием злое обстоятельство, которое произошло, когда мы играли вместе в последний раз: мне до зарезу нужна была четвёрка, а у меня выходила двойка да туз пять раз подряд. Таким образом, прошло несколько месяцев, пока, наконец, не было сочтено удобным назначить день бракосочетания молодой пары, которая, казалось, искренне желала этого. Во время подготовки к свадьбе мне нет нужды описывать ни деловитость моей жены, ни лукавые перемигивания моих дочерей: на самом деле мое внимание было приковано к другой цели – завершению трактата, который я намеревался вскоре опубликовать в защиту моего любимого принципа единобрачия. Поскольку я рассматривал это как несомненный шедевр, как в плане аргументации, так и в смысле стиля, я не мог в порыве гордыни своего сердца не показать его моему старому другу мистеру Уилмоту, поскольку не сомневался, что получу его одобрение. Но слишком поздно я обнаружил, сколь сильно его предвзятость приклеилась к этому произведению. Он не счёл мой труд шедевром и придерживался по сему поводу совершенно противоположного мнения, и на то были, видать, веские причины, поскольку как раз в то время он реально приударял за четвёртой женой. Это, как и следовало ожидать, вызвало неминуемые споры, сопровождавшиеся возроставшей, как опара на дрожжах, вздувающейся язвительностью, которая всё больше угрожала разрушить столь взлелеенный союз. Но за день до назначенной церемонии мы договорились обсудить этот вопрос в целом. С обеих сторон всё прошло в надлежащем духе: он утверждал, что я неортодокс, я парировал обвинение; он отвечал, я напирал. Тем временем, когда спор стал чересчур жарок, меня вызвал один из моих родственников, который с озабоченным видом посоветовал мне прекратить спор, по крайней мере, до окончания свадьбы моего сына.

– Как, – воскликнула я, – отказаться от дела истины и позволить ему стать мужем, когда доказательства уже доведены до самой грани абсурда? С таким же успехом вы могли бы посоветовать мне в качестве аргумента отказаться от своего состояния.

– Ваше состояние... – с горечью ответил мой друг, – Ваше состояние... Я с пригорбнем сообщаю вам, что это уже почти ничто. Городской торговец, в чьи руки попали ваши деньги, сбежал, чтобы избежать судебного иска о банкротстве, и считается, что он не оставил ни шиллинга от фунта. Я не хотел шокировать вас или семью этим сообщением до окончания свадьбы, но теперь это должно умерить вашу горячность в споре; ибо, я полагаю, ваше собственное благоразумие заставит вас притворяться, по крайней мере, до тех пор, пока ваш сын не обеспечит состояние молодой леди!

– Что ж, – возразил я, – если то, что вы мне говорите, правда, и если мне суждено стать нищим, это никогда не сделает меня нищим негодяем и заставит меня отречься от моих принципов. Я сейчас же пойду и проинформирую всю нашу честную компанию о моих обстоятельствах, а что касается спора, то я даже здесь отказываюсь от своих прежних уступок в пользу старого джентльмена и не позволю ему теперь быть мужем в любом смысле этого слова!

Было бы неуместно слишком долго описывать различные ощущения обеих семей, когда я поделился новостью о нашем несчастье; но то, что чувствовали все остальные, было ничем по сравнению с тем, что пережили влюблённые. Мистер Уилмот, который и до того склонялся положить конец этому браку, с этим ударом судьбы приобрел окончательную решимость: главной добродетелью, которой у него было даже с излишком, было благоразумие – часто единственная добродетель, которая остаётся с нами в семьдесят два года.

Глава III

Переселение. Обычно случается, что в конце концов человек становится кузнецом своей судьбы

Пока единственной последней надеждой нашей семьи было надежда, что сообщение о наших несчастьях – злонамеренная ложь или преждевременная сплетня, но вскоре пришло письмо от моего городского агента с подтверждением всех подробностей беды. Коснись потеря состояния меня одного, я бы даже не обратил на такой пустяк внимания; единственное беспокойство, которое я испытывал, было за мою семью, которой предстояло испытать неминуемые унижения – как никак, ни я, ни моя жена не были приучены безропотно сносить людское высокомерие и уколы завистливой черни.

Прошло около двух недель, прежде чем я осмелился попытаться обуздать их скорбь, ибо преждевременное утешение – всего лишь болезненное напоминание о прошлой печали. В течение этого срока я размышлял о том, как в будущем смогу обеспечить их средствами к существованию, и, наконец, мне предложили небольшой приход ценой в пятнадцать фунтов в год в весьма отдаленном районе, где я всё ещё мог без помех следовать своим принципам. Я с радостью согласился на это предложение, решив увеличить свой доход, заведя там небольшое подсобное хозяйство.

Приняв это решение, я озаботился тем, чтобы собрать воедино остатки моего бывшего состояния. Когда я выплатил одни долги и набрал другие, оказалось, что из четырнадцати тысяч фунтов у нас осталось всего четыреста. Посему теперь моей главной заботой стало чуть-чуть пригнуть бывшее самомнение и гордыню моей семьи в соответствии с новыми жизненными обстоятельствами; ибо я хорошо понимал, что иная гордыня – сама по себе верх убожества.

– Вы не можете не знать, дети мои, – воскликнул я, – что никакое бывшее благоразумие, буде оно у нас, не способно было предотвратить наше недавнее несчастье, но будущее благоразумие способно смягчить его горестные последствия. Теперь мы, мои дорогие, бедны, как церковные мыши! И мудрость велит нам соответствовать нашему скромному статусу! Давайте же, не жалуясь, откажемся от того великолепия, которым наделены многие, и будем искать в более скромной доле тот мир, в котором все мы могли бы быть счастливы. Бедняки прекрасно проживут и без нашей помощи, почему же тогда нам не научиться жить без их сочувствия? Нет, дети мои, давайте же с этого момента откажемся от всех претензий на аристократизм! У нас ещё довольно сил для счастья, если мы будем мудры, и давайте будем довольствоваться малым.»

Поскольку мой старший сын был воспитан как истинный учёный, я решил отправить его в город, где его способности могли бы способствовать тому, чтобы он мог и себя содержать, и нам помочь. Уход друзей и распад семьи – это, пожалуй, одно из самых печальных обстоятельств, сопутствующих бедности. Вскоре настал день, когда мы должны были впервые разъехаться. Мой сын, простившись со своей матерью и остальными, которые мешали горестные слёзы с поцелуями, пришел попросить моего благословения. Я сделал ему от всего сердца этот подарок, который, как бонус, добавленный к пяти гинеем, которое я мог теперь подарить, было всем его наследством.

– Ты отправляешься, мой мальчик, – воскликнул я, – пешком в Лондон, как Хукер, твой великий предок, который путешествовал так же до до тебя! Возьми у меня того же коня, которого подарил ему добрый епископ Джуэл в лучшие времена, возьми этот посох, и возьми также эту книгу, она будет тебе утешением в пути! Эти две строчки в ней стоят миллион: «Я был молод, а теперь состарился и никогда не видел праведника покинутым и детей его, протягивающих руки за хлебом! Пусть это будет твоей путеводной звездой и твоим утешением в дальнейшем путешествии! Иди, мой мальчик, как бы ни сложилась твоя судьба, позволь мне видеть тебя раз в год! Сохраняй своё доброе сердце и прощай!

Поскольку он был непорочно честен, я не испытывал опасений, что вбрасываю его голым на сцену жизни; ибо я знал, что он сыграет хорошо любую роль, будь то роль побежденного или победителя. Его отъезд лишь подготавливал почву для нашего собственного исхода, который произошёл всего через несколько дней. Покидая район, в котором мы наслаждались столькими часами спокойствия и счастья, не обошлось без слёз, которые едва ли могла подавить самая крепкая и негибкая сила духа. Кроме того, путешествие в семьдесят миль, грозившее моей семье, которая до сих пор никогда не удалялась от своего очага более чем на десять миль, наполнило нас глубокой печалью, а крики бедняков, которые шли за нами несколько миль, как обычно шагают за гробом, усугубляли всю эту историю.

Первый день путешествия привёл нас в безопасный чертог в тридцати милях от нашего будущего убежища, и мы остановились на ночь в каком-то мутном постоялом дворе по дороге. Когда нам показали комнату, я, как обычно, попросил хозяйина составить нам компанию, на что он согласился, поскольку то, что он выпьет, увеличивало наш счёт на следующее утро. Однако он знал весь район, в который я переезжал, назубок, особенно сквайра Торнхилла, который должен был стать моим домовладельцем и который жил в нескольких милях от моего поместья. Этого джентльмена он описал как человека, который ничего не знал и не желал знать о мире, предпочитая ему мирские удовольствия, и был особенно примечателен своей невиданной тягой к прекрасному полу. Он заметил, что ни одна добродетель не могла устоять перед его искусством соблазнения и усидчивостью в этом вопросе и что едва в округности десять миль могла отыскаться дочь фермера, которая не пала бы несчастной жертвой его вероломства. Хотя этот рассказ несколько расстроил меня, он произвёл совершенно иной эффект на моих дочерей, чьи черты, казалось, просветлели в ожидании приближающегося триумфа, да и моя жена расцвела от довольства и уверенной в их привлекательности и негибкой добродетели. Пока мы размышляли так и сяк об этом, хозяйка вошла в комнату, чтобы сообщить своему мужу, что странный джентльмен, который пробыл в доме два дня, совершенно неплатёжен, нуждается деньгах и она не может содрать с него ни пенни при всех своих усилиях.

– Нет денег?! – ответил хозяин, взмывая в воздух. – Это совершенно невозможно! Ведь не далее, как вчера он всунул три гиней нашему приставу Бидлу, чтобы тот только пощадил старого инвалида-солдата, которого за хищение собак должны были прогнать через город и бить плетью!

Хозяйка, однако, всё ещё настаивала на своём фундаментальном утверждении, что он готовился покинуть комнату, и не заплатив ни пенни, клянясь, что он никому ничего не должен, после чего хозяин выразил намеренье на время оставить меня, заявив, что так или иначе он взыщет деньги с этого солдата, даже если сдерёт с него шкуру. В этот миг я, сам не знаю почему, попросил хозяина познакомить меня с этим незнакомцем, обладающим таким потрясающим великодушием и щед-

ростью, как он описал. С этими словами он согласился, тут же впус­тив джентльмена, которому на вид было около тридцати лет, одетого в плащ, который когда-то был весь в позументах. Он обладал прекрасно сложенной фигурой, а на лице явно прослеживалось влияние постоянных абстрактных мыслей. В его обращении было что-то крайне повелительное и резкое, и, казалось, он не понимал никаких пошлых церемоний или презирал их. Когда хозяин вышел из комнаты, я не мог удержаться, чтобы не выразить незнакомцу свое беспокойство по поводу того, что вижу джентльмена при таких печальных обстоятельствах, и предложил ему свой кошелек, чтобы удовлетворить нынешнее требование хозяина постоялого двора.

– Я принимаю это от всего сердца, сэр! – с чувством ответил он, – И рад, что недавняя оплошность, благодаря которой я отдал деньги, которые у меня были при себе, показала мне, что ещё есть такие благородные люди, как вы! Однако я должен предварительно попросить вас сообщить мне своё имя и место жительства, я должен знать как можно больше о своём благодетеле, чтобы как можно скорее потом отплатить ему!

Я полностью удовлетворил его пожелание, упомянув не только своё имя и рассказав о своих недавних несчастьях, но и место, куда я собирался переезжать.

– Это, – вдруг воскликнул он, – великая удача, даже большая, чем я мог надеяться, поскольку я сам иду тем же путём, случайно застряв здесь на два дня из-за разлива реки и наводнения, которое, я надеюсь, к завтрашнему дню схлынет!

Я засвидетельствовал удовольствие, какое я получу в его обществе, и моя жена и дочери присоединились к моим мольбам, мы уговорили его остаться с нами на ужин. Беседа незнакомца, которая была одновременно приятной и поучительной, побудила меня пожелать её продолжения, и теперь настало время удалиться и подкрепиться целительным сном после утомительного прошедшего дня и в предвкушении будущего!

Следующим утро мы отправились вместе – моё семейство – верхом, а мистер Бурчелл, наш новый компаньон, пешком. Он шёл, шлёпая по обочине, со своими несравненными шутками о том, что он не обгоняет пешком наших одров только из великодушия к нам.

Вода от наводнения по-прежнему стояла высоко и не собиралась спадать, нам ничего не оставалось, как где-то нанять проводника, который трусил впереди нас, а мы с мистером Берчеллом плелись позади мелким шагом. Дорожную скуку разгоняли нам разные философские споры, и мистер Берчелл оказался великим докой в них. Но особенно я был потрясён тем упорством, с которым он защищал свои взгляды, ничуть не смущаясь тем, что продолжал оставаться моим должником по гроб жизни. В общем, он вёл себя совсем не как должник, а скорее напоминал моего покровителя. Польза от него тоже, надо признать, было немало, потому что он лучше любого гида показывал и рассказывал нам про все поместья, которые мы проезжали, и их хозяев.

– Вот это имение, к примеру, – указывал он пальцем на великолепнейший особняк, стоявший немного поодаль дороги, – это собственность мистера Торнхилла. Его родной дядя, сэр Уильям Торнхилл, склонный в жизни довольствоваться малым, предпочитая проживать исключительно в городской среде, всё свое состояние предоставил в распоряжение этого молодого человека, как потенциального наследника.

– Возможно ли такое чудо, – закричал я, – чтобы моим соседом оказался племянник столь известного своей несравненной добродетелью, щедростью и чудачествами человека? Я слышан, что сэр Уильям Торнхилл один из самых наищедрей-

ших людей графства и помимо этого самый большой оригинал во всём королевстве. Помимо этого, немало людей утверждает, что это человек несравненной доброты!

– И даже, я бы сказал, в чём-то несколько чрезмерной, – весьма уместно возразил мистер Берчелл, – В юности, если мне память не изменит, он порой доводил свою доброту до абсурда, ибо, обладая тонкой и пылкой душой, он даже в своей несравненной добродетели не мог удержаться от романтических преувеличений. С молодых ногтей почуял он склонность к военному искусству и наукам, и на обоих этих поприщах преуспел: сумел отличиться в битвах, как отменный солдат и одновременно прослыл учёным человеком. Но лесть, эта непрменная рыба-лоцман любого Честолюбия, – ибо из всех людей, честолюбцы наиболее падки на лесть, – не замедлила проявиться тут с невиданной силой. Здесь он был окружён толпой, где каждому грезились только одно – каждый стремился обнаружить пред ним только те стороны своего характера, каких не мог стыдиться, а он, как тетерев, раскудахтавшись надо всем несчастным родом человеческим, напроочь готов был забыть о частных его представителях.

Весь свет представлялся ему чертогом доброты, милосердия и счастья, богатство мешало ему видеть истинное положение дел, и он гнал от себя простую мысль: «А куда подевались обычные в жизни подонки и негодяи?»

Врачи утверждают, что существует такой коварный недуг, при котором тело больного становится столь сильно чувствительным, что малейшее прикосновение к нему причиняет ему невыносимую боль. Примерно то же, что некоторым выпало испытать физически, этот господин испытывал душевно. Любая чужая беда, большая или маленькая, любая выпавшая на долю сырых невзгода, – подлинная или вымышленная, разницы нет, всё равно до глубины трогала его сердце, и душа его при этом содрогалась от боли, причинённой ей страдания ближнего.

Короче говоря, опускаясь на землю, мы должны заметить, что он был готов оказывать помощь всякому, кто открывал рот, чтобы изложить свою проблему, и, разумеется, в тех, кто был готов откликнуться на его благотворительность и воспользоваться ею, отбоя не было. Скоро непредставимая щедрость его стала уже напрямую отражаться на состоянии его кошелька, но беда в том и состояла, что великодушные его при уменьшении его кошелька только возрастало. Его милосердие, казалось, только вздувалось по мере того, как скудел его кошелёк. Чем беднее он становился, тем безрассуднее был.

И хотя его речи по видимости были весьма ладны и разумны, по сути вёл он себя, как последний болван и осёл.

И вот, окружённый льстецами, наглецами и лгунами и уже бессильный удовлетворить их желания, он стал вместо *денег* наделять их *обещаниями*. Теперь это было всё имущество, которое у него оставалось, но сила и красота его воспитания была такова, что он не мог огорчить отказом кого бы то ни было, ибо решимости на это у него не было, даже муравья обидеть отказом он бы никогда не смог.

Таким образом вокруг него кучковалась целая толпа разнообразнейших прихлебателей, которыми он очень дорожил и которых всячески жаждал облагодетельствовать, а между тем уже довольно продолжительное время невольно обманывал. Люди эти, видя прекращении сыпавшегося на них прежде золотого дождя, в течение какого-то времени продолжали крутиться вокруг него, но поняв свою ошибку, рано или поздно покидали его, засыпав оскорблениями и презрительными упрёками.

Дело обстояло ещё хуже, ибо чем гаже и ничтожнее становился он для своей растленной паствы, тем более мерзким, мелочным и ничтожным казался и себе.

Так как главным инструментом его влияния была лесть, а лесть по сути своей является ложной взяткой, то теперь, когда ему не стало, кому льстить и он остался один, лесть не могла более утешать его самого, ибо он сам не мог врать себе в том, чему он сам никогда бы не поверил.

Жизнь его поменялась в корне. Былые закадычные друзья более не могли расточать ему медовые комплименты и с трудом выдавливали изо рта брезгливое, псиное одобрение, а потом и вовсе заменили одобрение нудными нотациями и уверениями неизвестно в чём, назойливыми и ненужными советами, которые, будучи отвергнуты им, заканчивались целым валом упреков и пренебрежения.

Тут он наконец осознал цену друзей, привлечённых запахом благ, расточаемых им в порыве доброты. Тут только до него дошло, что если ты хочешь полонить чужое сердце, в ответ ты должен отдать своё.

Тут-то и я понял, что... что... что же это я хотел выдать? Нет... Забыл!.. Короче говоря, судари мои, наконец до него дошло, что пришло время подумать и о себе, и надо срочно вернуться с небес на землю и составить план спасения своего стремительно тающего богатства.

Оригинальный во всём, он истоптал всю Европу пешком, насмотрелся на мир и вот теперь, когда ему ещё нет и тридцати лет, он стал ещё богаче. Теперь Щедрость не воспаляет его разум и не толкает к эксцентрическим безумствам, она сделалась разумнее и тоньше, однако и теперь, до сих пор он по-прежнему слышит изрядным чудачком в форме своих благодеяний, облекая их в самую причудливую и оригинальную форму.

Мистера Берчелла я слушал, раскрыв рот, замороженный его рассказом так, что даже ни разу не оторвал взгляд от его лица и не глянул вперед, на дорогу, и так бы продолжалось и дальше, если бы мои уши не уловили тревожные крики. И тогда, впервые повернув голову, (это был какой-то кошмарный сон) я увидел свою младшенькую дочку летящую в невероятных позах посреди бурного потока, с которым она тщетно пыталась сладить – оказалось, что лошадь взбрыкнула и сбросила её с седла. На моих глазах она уже дважды с головой уходила под воду, а я от неожиданности, впал в ступор, и не успевал соскочить проворно с лошади, чтоб придти ей на помощь. Я был в полном смятении, нога не хотела выходить из стремени, и иногда мне казалось, что я уже не в состоянии её спасти. Гибель её, казалось, была окончательно предрешена. Но вдруг мой спутник, с разу оценив, какая ей угрожает опасность, прекратил разговор и смело кинулся в воду. В общем, после многих треволений и борьбы со стихией ему наконец удалось схватить её и вытащить на другой берег.

Мы же, спешно отправившись вверх по течению реки, скоро нашли брод и благополучно переправились на противоположный берег. Не столько словами, сколько бурной жестикуляцией мы пытались выразить нашему избавителю свою благодарность. Благодарность моей дочери была неопишима, её легче было бы представить, чем пытаться описать. Она была почти нема, и только взгляды выражали её чувства, когда она стояла рядом с ним, продолжая опираться на его крепкую руку, словно не веря, что ей снова не потребуются его помощь. Моя жена тоже внесла свою лепту в благодарственный хор, предположив, что и нам когда-нибудь представится возможность отблагодарить этого джентльмена своим приютом и вниманием.

Затем, как только мы всей компанией подкрепились обедом в ближайшей харчевне, мистер Берчелл тепло попрощался с нами. С этой точки путь его лежал в другую сторону, а мы тронулись и поехали своей дорогой, причём жена не преминула отметить, что мистер Берчелл ей до странности симпатичен, что он по всей видимо-

сти просто очень хороший человек, и что обладай он к тому же благородным происхождением и приличным состоянием, позволившим ему помогать такой семье, как наша, то о лучшем жене для нашей дочери, чем он, и мечтать не пришлось бы!

Слушая эту наивную и в чём-то надменную речь, я не смог сдержать снисходительной улыбки, впрочем, не в моих правилах было осуждать чьи-то совершенно невинные заблуждения, если они доставляли кому-то хотя бы немного радости.

Глава IV

Даже при самом скромном достатке возможно счастье, ибо оно заложено в нас самих и не зависит от внешних обстоятельств

Наш новый приют мы нашли в небольшой деревушке, где сельские жители своими руками возделывали землю, не сталкиваясь с нуждой, и не зная предосудительного избытка. Собственное хозяйство доставляло им почти всё необходимое, и посему они лишь изредка выезжали в город за покупками. Я полагаю, что некоторые вообще никогда не бывали в городе. Вдали от больших городов и света они сохраняли первозданную простоту нравов и скромную и неприхотливость манер, и отстав от века, даже не додумывались вменить себе в заслугу эту божественную умеренность. Их будни были целиком посвящены трудам праведным, и потому трудились они весело и с огоньком, а в праздники, само собой разумеется, всю предавались досугу и развлечениям. В сочельник здесь до хрипа пели гимны и водили хороводы, а в утро святого Валентина одевали девушек в ленты, на масленицу пекли блины, первого апреля изощрялись в остроумии, и накануне Михайлова дня свято блюли древний обычай колоть орехи, благо не на голове у соседа..

Прознав о нашем скором прибытии, вся деревня в праздничных одеждах, под взвизги флейт и грозный бой барабанов высыпала на улицу встречать своего нового священника. К нашему прибытию они накрыли пышный стол, и нас весело усадили за него, и пусть их речи при этом и не блистали излишним остроумием, зато все хохотали от души. Наш скромный домик стоял на косогоре, и позади него вздымалась прелестная рощица, а пред ним извивался звонкий ручей, слева простирался цветистый луг, справа – уютная полянка. Я был обладателем около двадцати акров пахотной земли, у своего предшественника я приобрёл её за сто фунтов. Всё здесь было прелестно. Мне трудно вообразить что-то более чудесное, чем мои крошечные владения, окаймленные аккуратно постриженным кустарником, среди коего обрелись вековые вязы дивной красоты и размера. Одноэтажный домик под соломенной крышей имел благодаря ей особенно уютный вид. Чисто выбеленные стены внутри были взывали к великому творчеству, и мои дочери сразу же взялись за украшение их шедеврами собственной кисти. Хотя одно и то же помещение служило нам теперь и гостиной и кухней, и всем остальным, от этого нам порой становилось только теплее на душе. Надо добавить, что наша комната благодаря этому содержалась в образцовом порядке: блюда, тарелки и медные котелки были начищены и натёрты до ослепительного блеска и стояли по полкам сверкающими рядами, так что любодорого было взирать на них, а глазу счастливого человека и не нужно более роскошного убранства. В нашем доме было ещё три меньших комнатёнки – в первой располагались мы с женой, во второй, смежной, – жили две наши дочери, в третьей мы поставили кровати для мальчиков. В нашей маленькой, дружной республике, которой я управлял при радостном восторге моих поданных, был установлен вот какой общий, незыблемый порядок: с восходом Солнца все собирались в общей комнате, где уже в камине полыхал жаркий огонь, который каждое утро разводила служанка. При встрече мы всегда обменивались пылкими приветствиями. После чего (а надо сказать, что я всегда настаивал на том, чтобы близкие родственники соблюдали

в общении друг с другом известные формальные приличия, ибо излишняя фамильярность всегда губительна для истинной дружбы), – мы вместе склоняли головы и начинали воздавать хвалу Всевышнему, за дарованный нам ещё один счастливый день жизни. Окончив этот ритуал, я вместе с сыном отправлялся на обычные наши работы, меж тем как жена и дочери принимались стряпать завтрак, за который мы усаживались всегда в один и тот же час. Этой трапезе отводилось не более получаса, обед занимал час; за столом жена и дочери предавались какой-нибудь невинной болтовне, мы же с сыном затевали важные философские диспуты. Вставая с Солнцем, мы заканчивали свои труды с заходом, и возвращались в домашнее лоно, где нас ждал уютный очаг и ласковые взоры. Мы всегда радовались весело потрескивавшим дровам в очаге и бликам огня на потолке. Недостатка в гостях и посетителях у нас никогда не было. Наш болтливый сосед фермер Флембро, а также слепой музыкант с флейтой, не помню, как его зовут, – они оба частенько захаживали к нам отведать нашей фирменной крыжовенной настойки. Мне бы следовало объявить мировой конкурс на название этого чуда, но я справился и сам, обозвав его «Сногсвалический Крыжебруй». Жена свято блюла секрет приготовления этого чудодейственного напитка, который всегда был гордостью нашего дома. Эти простодушные селяне почти все вечера напролёт. каждый на свой лад коротали вместе с нами: один играл на флейте, другой подпевал ему фистулой, услаждая слух слушателей какой-нибудь красивой старинной балладой, вроде «Жестокой Барбары Аллен Килл» или «Последнего „Прости“ Джонни Армстронга». День ознаменовывался тем же, чем и начинался, – неукоснительной, как смерть, молитвой, и тут уж я опять же неукоснительно заставлял младших сыновей тщательно прочитывать предписанную на этот день главу из Писания. Тому, кто читал отчетливей, громче, и вдохновеннее, доставалось главный приз – святой полупенсовик, а в воскресенье я опускал его в кружку пожертвований для бедных. Воскресный день у нас был днём великолепного тщеславия, хотя мои попытки как-то ограничить эту страсть к роскоши всегда оказывались бесплодны. Здесь, несмотря на расставленные мной на всех дорогах заставы, меня ловко обходили по тайным лесным тропам. Тщетно пытался я проповедями против гордыни подавить тщеславие моих дочерей, но тайное влечение к былой роскоши так или иначе прорывалось в них, и они по-прежнему обожали все эти приснопамятные рюшки, кружева, ленты, узорную вышивку и цветной стеклярус. Ничто не могло отвратить их от этой тщеты, и даже матушка их не могла перебороть былую страсть к пунцовому атласному узорчюю, ибо я как-то, к сожалению, сгоряча сболтнул, что она великая красавица и оно ей к лицу. Особенно моё огорчение во время пребывания на новом месте увеличилось в первое же наше воскресенье. Еще накануне я выказал пожелание, чтобы мои девицы начали готовиться заранее, так как я имел благую привычку являться в церковь задолго до своих прихожан. Они в точности исполнили моё приказание, но когда мы поутру все вместе собрались к завтраку, я увидел, что моя жена и дочери блистают нарядами совсем так же, как в былые дни – волосы прилизаны, лица усеяны мушками, губы накрашены, шлейфы собраны сзади в шуршащий при малейшем порыве узел. Я не мог удержаться от улыбки при виде такого искренне-детского тщеславия. От своей жены, честно говоря, я мог ожидать гораздо большего благоразумия. Увы-увы! Однако я не растерялся и с почтенной важностью обратился к сыну, чтобы тот шёл закладывать карету. Девицы были потрясены моим приказом, и я, для блезиру, повторил его ещё помпезнее прежнего.

– Ты верно, шутишь, мой друг? – всплеснула руками жена, – Мы прекрасно дойдем пешком! Зачем нам здесь карета?

– Ошибаешься, моя душенька, – возразил я, – нам сейчас карета более всего нужна, потому что если мы двинемся в путь и в таких нарядах придём в церковь, все окрестные мальчишки поднимут нас на смех и будут улюлюкать нам вслед!

– Вот как, оказывается! Вот где угнездилась крамола! – всплеснула руками жена, – А я-то надеялась, что мой Чарли обожает, чтобы его детки были одеты нарядно и чисто.

– Чисто и нарядно – сколько угодно! – разозлился я и перебил её, – Этой вашей чистоте и нарядности я, конечно, не могу не нарадоваться, однако тут у вас никакая не чистота, а сущая несусветная мишура и грязь. Ваши ужимки, оборки, рюшки да мушки приведут лишь к тому, что вас возненавидят все женщины прихода. Что вы знаете о силе людской зависти? Нет, дети мои, нет, – продолжал я, став серьёзным, как никогда, – все эти ваши роскошные наряды никуда не годятся, их придётся перешить, перелопатить и перекроить, ибо ваше фатовство и франтовство вовсе не подобает банкротам, чьё состояние так смехотворно мало, что им непозволительно предаваться даже мыслям о подобной роскоши. Впрочем, и богачам вовсе не пристало бахвалиться великолепием своих нарядов и драгоценностей! Ведь даже самый поверхностный подсчёт показывает, что вся босота и нищета мира могла бы прикрыть свою позорную наготу на то золото, которое наши щеголи и щеголихи спускают только на отделку своих лиффов. Мои речи возымели результат: они тотчас же и без дальнейших препирательств отправились переодеваться, а на следующий день, к величайшей моей радости, я обнаружил, что дочери по своей доброй воле сели кроить свои шлейфы и шить из них воскресные жилетки для нашей малышни – Дика и Билла. Замечательнее же в этом было то, что без этих хвостатых шлейфов платья моих девиц только выиграли в красоте и изяществе! б

Глава V

Появился новый и замечательный знакомый. То, на что мы возлагаем больше всего надежд, обычно оказывается самым фатальным

На совсем небольшом расстоянии от дома мой предшественник устроил скамейку, затенённую живой изгородью из боярышника и жимолости. Здесь, когда стояла хорошая погода и наша работа заканчивалась, мы обычно садились вместе, чтобы насладиться обширным открывавшимся вдаль пейзажем и отдохнуть в вечерней тишине. Здесь мы, так же, как и на веранде, пили чай, который теперь превратился в святой ритуал; и поскольку мы пили его довольно редко, это приносило новую радость, поскольку приготовления к нему велись с немалой долей суеты и церемоний. В таких случаях двое наших малышей всегда читали за нас псалмы, и их регулярно угощали после того, как они заканчивали. Иногда, чтобы разнообразить наши обычные развлечения, девочки пели под гитару. И пока они, таким образом, устраивали пред нами небольшой частный концерт, мы с женой прогуливались по пологому полю, усеянному прекрасными голубыми колокольчиками и кашками, с восторгом говорили о наших детях и наслаждались ветерком, который овеивал нас обоих, здоровых и находящихся в волной гармонии друг с другом.

Таким образом, мы начали понимать, что любая жизненная ситуация может приносить свои особые, уникальные удовольствия, если не требовать от жизни чересчур многого. Каждое утро мы просыпались для повторения нудного, тяжёлого труда, но вечер вознаграждал нас лёгким, ни к чему не обязывающим весельем

Это было примерно в начале осени, в праздничный день, и поскольку у меня были такие маленькие промежутки между отдыхом и работой, я в очередной раз пригласил свою семью в наше обычное место развлечений, и наши юные музыканты, как обычно, начали свой обычный концерт. Пока мы были заняты этим, мы вдруг увидели, как примерно в двадцати шагах от нас проскакал проворный олень, и, судя по его натруженному дыханию, за ним гнались охотники. У нас было не так много времени, чтобы поразмыслить о бедственном положении бедного животного, когда мы заметили, что собаки и всадники пронеслись на небольшом расстоянии позади от нас и неслись они той же самой траекторией, что летел олень. Я сразу же собрался вернуться к своему семейству, но то ли любопытство, то ли удивление, то ли еще какой-то скрытый мотив удержали мою жену и дочерей на своих местах. Охотник, ехавший впереди, промчался мимо нас так стремительно, что мы не успели разглядеть его, за ним последовали ещё четыре или пять сопровождающих, которые, казалось, так же спешили попасть в рай. Наконец молодой джентльмен, обладавший более благородной наружностью, чем остальные, вышел вперёд и некоторое время придирчиво рассматривал нас, и потом, вместо того, чтобы продолжить погоню, резко остановился и, отдав поводья своей лошади сопровождавшему его слуге, приблизился к нам с небрежным видом покровительственного превосходства. Казалось, он совершенно не нуждался в представлении, но собирался приветствовать моих дочерей хотя бы кивком, как человек, уверенный в добром приёме. Но и они рано усвоили урок не обращать внимания на чужую самонадеянность. После чего он сообщил нам, что его зовут Торнхилл, и он является владельцем поме-

стья, которое простирается на всё мыслимое пространство вокруг нас. Поэтому де он снова предложил поприветствовать женскую половину моей семьи, и такова была сила богатства, фортуны и прекрасных одежд, что он не встретил повторного отпора. Поскольку его обращение, хотя и уверенное, было непринужденным, мы вскоре познакомились ближе; и, увидев лежащие рядом музыкальные инструменты, он попросил, чтобы его одарили нашим исполнением. Поскольку я не одобрял таких неравных знакомств, я подмигнул своим дочерям, чтобы помешать их уступчивости; но мой намёк был опровергнут сдвинутыми бровями их матери; так что они с весёлым видом спели нам любимую песню Драйдена. Мистер Торнхилл, казалось, был в восторге от их исполнения и выбора, а затем сам взялся за гитару. Он играл, но очень равнодушно, плоско; однако моя старшая дочь с лихвой отплатила ему за его прежние аплодисменты и заверила исполнителя, что его голос был даже громче и отчётливее, чем у её учителя. Услышав этот комплимент, он поклонился, на что она ответила реверансом. Он похвалил её отменный вкус, а она похвалила его проникновенное понимание: за целый век они не могли бы познакомиться лучше. В то время как любящая мать, не менее счастливая, настояла на том, чтобы дорогой гость зашёл и продегустировал стакан её крыжовенного чуда.

Вся семья, казалось, искренне стремилась доставить ему удовольствие. Мои девочки пытались развлечь его темами, которые казались им наиболее современными, в то время как Мозес, напротив, задал ему пару вопросов и огорошил дюжиной тезисов из древних, над которыми тот с удовольствием посмеялся. Мои малыши были не менее заняты и с нежностью отнеслись к нему, стараясь елозить поближе от незнакомца. Все мои усилия едва ли могли удержать их грязные пальцы от того, чтобы не потрогать кружева на его одежде и не запятнать их, а также не приподнять клапаны его карманов, чтобы посмотреть, что там находится. С приближением вечера он откланялся, но откланялся только после того, как испросил разрешения как-нибудь повторить свой визит, на что, поскольку он был нашим домовладельцем, мы с готовностью согласились.

Как только он ушёл, моя жена созвала большой королевский совет по поводу подведения итогов дня. Она придерживалась мнения, что это был самый удачный финт в её жизни, удар веслом, как она говорила, потому что она теперь узнала, что ещё более странные вещи наконец-то могут начать воплощаться в жизнь. Она надеялась снова дожить до того дня, когда мы сможем высоко держать голову, находясь в одной компании лучших из двуногих. И в заключение она заявила, что не видит причин, по которым две мисс Сморчки могли бы быть достойны выйти замуж за богатых людей, а её дети при этом остались бы ни с чем прозябать у разбитого корыта. Поскольку этот последний аргумент, как всегда, был адресован мне, я запротестовал, что не вижу ни причин ни для этого, ни для того, что мистер Симпкинс выиграл десять тысяч фунтов в лотерею, а мы остались с пустыми руками.

– Я протестую, Чарльз, – воскликнула тут моя жена, – ты всегда так издеваешься над моими девочками и надо мной, когда мы в приподнятом настроении, что я удивляюсь тебе. Скажи мне, Софи, дорогая, что ты думаешь о нашем новом госте? Тебе не кажется, что он супер-добродушен?

– Действительно, безмерно добрودушен, мама! – подтвердила старшенькая, хихикая, – Я думаю, ему есть что сказать по любому поводу, и он никогда не потеряется! И чем более пустяковая тема предложена для разговора, тем больше ему есть, что сказать...

– Да, – воскликнула Оливия, – он достаточно неплох, как мужчинка, но, что касается меня, он мне не очень нравится совершенно, он такой чрезмерно наглый и фамильярный, хотя на гитаре, надо признать, играет, как король!

Эти две последние речи я истолковал в ином ключе. Из этого я понял, что София внутренне презирала его так же сильно, как Оливия втайне восхищалась им.

– Какого бы вы ни были мнения о нём, дети мои, – воскликнул я, – по правде говоря, он не расположил меня в свою пользу. Неравная дружба всегда заканчивается отвращением! И я, прошу заметить, подумал, что, несмотря на всю его непри-
нуждённость, он, казалось, прекрасно осознавал дистанцию между нами... Давайте держаться людей нашего слоя! Нет персонажа более презренного, чем мужчина, который охотится за приданым, и я не вижу причин, по которым женщины, охотящиеся за приданым, тоже не должны быть достойны презрения! Таким образом, в лучшем случае мы будем достойны презрения, если его взгляды окажутся благо-
родными; но что, если они будут иными!? Я содрогнулся, только подумав об этом! Это правда, что у меня нет опасений из – за поведения моих детей, но я думаю, что некоторые из них преувеличены, и они просто поддакивали ему...

Я бы продолжил, если бы меня не прервал слуга сквайра, который, передавая свои наилучшие пожелания, прислал нам кусок оленины и обещание пообедать вместе с нами через несколько дней. Этот своевременный подарок более убедительно свидетельствовал в его пользу, нежели всё, что я мог бы высказать против. Поэтому я тут же замолк, удовлетворенный тем, что просто указал на грозящую нам в будущем опасность, и предоставив им самим решать, как её избежать. Та добродетель, которую нужно постоянно оберегать и прятать за семью замками, едва ли стоит и ломаного гроша!

Глава VI

Счастье сельчанки у камина

Поскольку мы продолжали прежний спор с некоторой долей понимания друг друга, чтобы уладить дело, все пришли к единодушному мнению, что нам следует съесть на ужин часть оленины, и девочки с готовностью взялись за дело.

– Как жаль, – воскликнул я, – что у нас нет соседей или забредших незнакомцев, которые могли бы принять участие в этом весёлом застолье: пиры такого рода приобретают двойное удовольствие от нежданно подаренного гостеприимства.

– Благослови тебя господь! – воскликнула моя жена, – А вот и наш добрый друг мистер Берчелл, который спас нашу Софию, и это изрядно сбивает тебя с толку в этом споре!

– Ну-ка, опровергни-ка меня в этом споре, дитя мое! – воскликнул я, – Здесь ты ошибаешься, моя дорогая. Я верю, что мало кто может это сделать! Я никогда не оспаривал твоих способностей в приготовлении гусиного пирога, но я прошу тебя предоставить это дело мне!

Пока я говорил, бедный мистер Берчелл вошёл в дом и был встречен семьей, которая сердечно пожимала ему руку, в то время как маленький Дик услужливо придвинул стул.

Я был доволен дружелюбием бедняги ко мне по двум причинам: потому что я знал, что он хочет моей дружбы, и я знал, что он будет дружелюбен настолько, насколько это в его силах. В наших краях он был известен как бедный джентльмен, который в молодости ни на что не годился, хотя ему ещё не исполнилось тридцати. Время от времени он говорил с большим здравым смыслом, но в целом больше всего любил общество детей, которых он обычно называл безобидными маленькими человечками. Как я выяснил, он был знаменит тем, что пел им всегда и везде баллады и рассказывал разные чудные истории; и при этом редко выходил из дома без чего-нибудь для них в карманах – кусочка имбирного пряника или свистульки в полпенни ценой. Обычно раз в год он приезжал на несколько дней в нашу местность и пользовался гостеприимством соседей.

Он сел ужинать вместе с нами, и моя жена для такого случая не пожалела своего крыжовенного вина. Чарка, как говорится, пошла по кругу; он спел нам свои излюбленные старые песни и рассказал детям историю об олене из Беверленда, историю терпеливого Гриссела, приключения Кошачьей Шкуры, а затем «Беседку прекрасной Розамонды». Наш петух, который всегда кричит в одиннадцать, наконец доложил нам, что пришло время отдыхать; но с размещением незнакомца возникли непредвиденные трудности: все наши кровати были уже заняты, и было слишком поздно отправлять его в соседнюю пивную. Столкнувшись с этой дилеммой, маленький Дик предложил ему свою часть кровати, если его брат Мозес позволит ему лечь с ним;

– А я, – воскликнул Билл, – отдам мистеру Берчеллу свою часть, если мои сестры возьмут меня к себе».

– Молодцы, мои славные детки, – воскликнул я, – гостеприимство – одна из первых обязанностей христианина. Зверь прячется в своё убежище, а птица летит в своё гнездо; но беспомощный человек может найти убежище только у своего двуногого собрата. Величайшим незнакомцем в этом мире был тот, кто пришёл, чтобы

спасти его. У него никогда не было дома, как будто он хотел посмотреть и проверить, сколько гостеприимства обретается среди нас. Дебора, дорогая моя, – крикнул я своей жене, – дай этим мальчикам по куску сахара каждому, и пусть у Дика будет самый большой, потому что он предложил это первым!

Ранним утром я созвал всю свою семью, чтобы помочь мне спасти копну сена, и, поскольку наш гость предложил свою помощь, он тоже был принят в число спасителей. Наши труды продвигались быстро, мы развернули копну по ветру, я шёл впереди, а остальные следовали за мной в должной последовательности. Однако я не мог не отметить усердие мистера Берчелла в оказании помощи моей дочери Софии в выполнении её задания. Покончив со своими трудами, он присоединился к ней и вступил в оживленную беседу, но я был слишком высокого мнения о разуме Софии и был слишком хорошо убеждён в её здрамомыслии, чтобы испытывать какое-либо беспокойство из-за человека с разбитым сердцем. Когда мы закончили свои сегодняшние труды, мистер Берчелл был снова приглашён нами, как и накануне вечером, но он отказался, так как в ту ночь ему предстояло переночевать у соседа, ребенку которого он нёс свисток. Когда он ушёл, наш разговор за ужином перешел на нашего покойного несчастного гостя.

– Какой яркий пример, – сказал я, – этот несчастный, вечно страдающий от легкомыслия и расточительности, которые скорее свойственны юноше, но уж никак не зрелому мужчине. Ему ни под каким соусом не нужен здравый смысл, который только усугубил бы его прежнюю глупость. Бедное несчастное создание, где теперь гуляки, льстецы, которыми он когда-то мог повелевать! Уехал, возможно, на прием к банье пандеру, разбогатев благодаря своей расточительности. Когда-то они хвалили его, а теперь аплодируют его позору: их прежние восторги по поводу его остроумия теперь превратились в сарказм по поводу его глупости: он беден и, возможно, заслуживает бедности, потому что у него нет ни стремления быть независимым, ни умения быть полезным. Побуждаемый, возможно, какими-то тайными причинами, я высказал это замечание со слишком уж большой язвительностью, за что моя София мягко упрекнула меня.

– Каким бы ни было его прежнее поведение, папа, его нынешние обстоятельства должны освободить его от порицания. Его нынешняя бедность – достаточное наказание за прежнюю глупость! Я слышала, как сам мой папа говорил, что мы никогда не должны наносить убийственный удар жертве, над которой Провидение уже подняло бич своего негодования и мести!

– Ты права, Софи, – воскликнул мой сынок Мозес, – и один из древних прекрасно изобразил столь злонамеренное поведение, кстати попытки деревенщины содрать кожу с Марсия, с которого, как повествует нам древняя басня, другой полностью содрал кожу! Кроме того, я не знаю, так ли плохо положение этого бедняги, как его рисует мой отец. Мы не должны судить о чувствах других по тому, что мы могли бы чувствовать, окажись на их месте. Каким бы тёмным ни казалось жилище крота на наш взгляд, само животное находит, уж поверьте мне, это помещение достаточно светлым. И, по правде говоря, ум этого человека, кажется, целиком соответствует его положению, ибо я никогда не увидела никого более жизнерадостного, чем он, каким он был сегодня, когда разговаривал с вами!

Это было сказано без малейшего умысла, однако вызвало яркий румянец, который она постаралась скрыть за выражением притворного смеха, при этом она заверила его, что едва ли обратила внимание на то, что он ей сказал, но что, по её мнению, когда-то он, возможно, был очень хорошим джентльменом. Готовность, с которой

она взялась оправдываться, и её румянец были лишь симптомами, которые я внутренне не одобрял, одновременно высказывая свои неясные подозрения.

Поскольку мы ожидали нашего хозяина на следующий день, моя жена пошла готовить пирог с олениной. Моисей читал, и пока я учил малышей, мои дочери, казалось, были так же заняты неотложными делами. Я долго наблюдал за ними, пока они совещались и что-то там готовили на огне. Сначала я предположил, что они помогают своей матери, но маленький Дик шёпотом сообщил мне, что они готовят протирки для лица. Ко всем видам умываний я питал естественную антипатию, поскольку знал, что вместо того, чтобы улучшать цвет лица, они его портят. Поэтому я потихоньку придвинул свой стул к камину и, схватив кочергу, как будто её нужно было починить, казалось бы, случайно, перевернул всю их адскую композицию, в понимании, что теперь было бы слишком поздно затевать новую.

Глава VII

Написанная городским остроловом. Самые тупые парни могут научиться быть смешными за одну-две ночи

Когда наступило утро, когда мы должны были принимать нашего молодого хозяина, нетрудно догадаться, какие запасы из нашей кладовки были брошены в бой, чтобы нам не ударить в грязь лицом. Можно также предположить, что по этому случаю моя жена и дочери распустили своё самое яркое боевое оперение. Мистер Торнхилл пришёл с парой друзей – своим капелланом и псарём. Слуг, которых было много, он вежливо отослал в ближайшую пивную, но моя жена, торжествуя в душе, настояла на том, чтобы угостить их всех, что, кстати сказать, на три недели почти сплошь опустошило наш стол. Поскольку мистер Берчелл намекнул накануне, что мистер Торнхилл собирается сделать предложение руки и сердца мисс Уилмот, бывшей любовнице моего сына Джорджа, это в значительной степени охладило наше раздутое, показное радушие, но удачный случай в какой-то мере облегчил наше смущение, когда кто-то из компании случайно упомянул её имя, мистер Торнхилл клятвенно заверил всех, что в жизни не знал ничего более абсурдного, чем называть такое страшилище красавицей.

– Разрази меня гром, – продолжал он, – если я не получу большего удовольствия, выбрав себе любовницу в виде лампы под часами в церкви святого Дунстана!

На этом замечании он прекратил дозволенные речи и стал неистово ржать, и мы тоже, что спорить – шутки богачей всегда имеют успех у беззубых бедняков! Оливия тоже не удержалась и прошептала достаточно громко, чтобы её услышали, что у него просто сногшибательный юмор. После ужина я начал со своего обычного тоста за Церковь. За это геройство капеллан тут же вздумал растечься в благодарности, добавив, что церковь всегда была единственной владычицей его сердца и единственной стоящей любовницей.

– Ну-ка, скажи нам, только честно, Фрэнк, – сказал сквайр со своей обычной лукавинкой, – предположим, что церковь – твоя нынешняя госпожа и повелительница, предположим, она стоит в своей батистовой футболке с одной стороны, а с другой стоит Мисс София, без батиста и футболки, за которую из них бы ты проголо-совал?

– За обоих, разумеется! – уверенно прорычал капеллан.

– Bravo, Фрэнк! – воскликнул сквайр, – Пусть я утопну в этой пивной кружке, но прекрасная девушка стоит всего этого церковного бесива в мире. Ибо что все эти десятины, демагогия и уловки, как не обман? Всё это безобразие – проклятое надувательство, и я могу это доказать!

– Я был бы не против, чтобы вы это сделали, – дипломатично воскликнул мой сын Мозес, – и я думаю, – продолжал он, – что я был бы в состоянии веско оппонировать вам.

– Очень хорошо, сэр, – воскликнул Сквайр, который немедленно смекнул, с кем имеет дело, – и подмигнул остальной компании, чтобы подготовить нас к новой незабываемой забаве, – если вы за лютый спор на эту тему, я готов принять бой! Ну же, вперёд, молодой человек! Первое, и основное, что нам надо решить, будем ли мы

выступать аналогическим или диалогическим методом? Эль боно чикитта! Вы понимаете, о чём я говорю?

– Я за то, чтобы вести спор рационально! – воскликнул Мозес, вполне довольный тем, что ему наконец позволили высказаться в полную силу.

– Ещё лучше! – воскликнул Сквайр, – И во-первых, во-вторых и в сто тридцать пятых... Я надеюсь, вы, сударь, не станете отрицать, что что бы ни было, так оно и есть? Если вы не согласитесь с этой фундаментальной леммой, или, если вам угодно, постулатом, я не смогу двигаться дальше...

– Что ж, – ответил Мозес, – я думаю, что могу согласиться с этим, и даже извлечь из этого максимум пользы.

– Я тоже надеюсь на это! – ответил собеседник, просто улыбаясь от смеха, – Теперь, я надеюсь, вы согласитесь, что часть всегда меньше целого?

– Я также допускаю и это! – воскликнул Мозес, и брови его разбежались в противоположные стороны, – Это более чем справедливое и разумное утверждение!

– Я надеюсь, – воскликнул Сквайр, – вы не станете отрицать, что сумма углов треугольника равна, турбуленто ижико, двум прямым углам?

Это был удар гораздо ниже пояса!

– Ничего не может быть элементарнее и правильнее! – ответил Мозес и огляделся вокруг, ища у стен поддержки, но со всей своей обычной важностью.

– Очень хорошо! – суетливо воскликнул сквайр, быстрой скороговоркой, – Поскольку вопрос таким образом решён абсолютно беспрекословно диалектически и амбивалентно, я, эль кристо бонавентуро, приступаю к объективному наблюдению за фактором опыта, бьюита кунданте, и утверждаю, что сцепление самораскрывающихся всемирных кармических псевдо-самосуществований, протекающее в соотношении чёткого и фиксированного взаимного дублирования, эль пуззо gloria мундис, естественным образом порождает неубывающий проблематичный диалогизм, который в какой – то мере доказывает, паче чаянья остались ещё мудрые люди и пророки, что сущность духовности может быть отнесена ко второму кармическому предикату...

– Постойте, погодите! – воскликнул меньшой, захлопав от неожиданности глазами и вспотев, – Извините! Я что-то за вами не поспеваю! Нет! Я понял... Насчёт предиката я понял! Это элементарно... Но... Я отрицаю это! По сути вы ведь отрицаете... Неужели вы думаете, что я способен таким образом покорно подчиниться таким примитивно изложенным неортодоксальным и кармически-невыверенным доктринам?

– Что? – ответил сквайр, словно в притворной запальчивости, внутренне обхотываясь над энтузиазмом юного спорщика, – Что? Не подчиниться? Вы думаете, что вы говорите? Ответьте мне на один очень простой вопрос: как вы думаете, прав ли Аристотель, когда утверждает, что родственники связаны между собой?

– Несомненно! – пискнул Мозес.

– Если это так, – воскликнул Сквайр, – ответьте мне прямо на мой новый каверзный вопрос: как вы оцениваете первую часть моего аналитического исследования «Энтимем Дефицитрум Секундум» – со знаком «плюс» или «минус», и приведите мне свои доводы?! Назовите мне наконец свои доводы, я говорю вам прямо! Приступайте!

– Я протестую! – воскликнул Мозес, – Ибо я не понимаю логику ваших рассуждений, но если свести всё это к одному простому тезису, то я полагаю, в этом случае на него можно будет дать какой-то ответ.

– О, сэра, – воскликнул Сквайр, – я ваш покорнейший слуга, и я вижу, вы хотите, чтобы я снабдил вас и аргументами, и интеллектом тоже... Вам бонусы не нужны? Нет, сэра, я протестую, вы предлагаете для меня слишком суровые условия!

Это вызвало смех у бедного Мозеса, который до того был единственной мрачной фигурой в этой группе весёлых, хохочущих лиц: и за все время представления более не произнёс ни единого слова.

Но хотя всё это комическое представление не доставило мне никакого удовольствия, на Оливию это произвело совсем иное впечатление. Она приняла всё это за шутку, хотя это было всего лишь воспоминание. Поэтому она по привычке продолжала считать его вполне достойным джентльменом; и те, кто осознает, какими могущественными составляющими любого образа являются здоровье, хорошая фигура, изысканная одежда и огромное состояние, легко простят её. Мистер Торнхилл, несмотря на своё истинное невежество, говорил непринуждённо и мог бегло распространяться на обычные для разговора темы. Поэтому неудивительно, что такие таланты завоевали расположение девушки, которую воспитание научило ценить свою внешность и, следовательно, ценить и чужую.

После его ухода мы снова вступили в спор о достоинствах нашего молодого домовладельца. Когда он обратил свои взгляды и разговор к Оливии, больше не оставалось сомнений в том, что именно она была тем объектом, который побудил его посетить нас с визитом. Казалось, она также не была сильно недовольна невинными насмешками своих братьев и сестры по этому поводу. Даже сама Дебора, казалось, разделяла радость этого дня и вторила триумфу своей дочери, как будто это была её собственная победа.

– А теперь, моя прелесть, – крикнула она мне, – я честно признаюсь, что это я проинструктировала своих девочек поощрять ухаживания нашего хозяина! У меня всегда были некоторые амбиции, и теперь вы видите, что я была права, ибо кто знает, чем это может закончиться?

– Да, кто ж это знает? – ответил я со стоном, – Что касается меня, то мне всё это не очень нравится! Я был бы больше доволен тем, чтобы за моими дочерьми ухаживал человек нашего круга, тот, кто пусть будет беден, но зато честен в своих намереньях, чем этот прекрасный джентльмен с его состоянием и неверностью, ибо, положишься на меня, если он будет делать то, в чем я его подозреваю, тогда в компании у такого с позволения сказать свободомыслящего человека моего ребёнка близко не будет!

– Конечно, отец! – воскликнул Мозес, – Что касается всего этого, то ты, отец, слишком суров в этом, ибо небеса никогда не осудят человека за то, что он думает, ибо они судят лишь за то, что он делает. У каждого человека есть тысяча порочных мыслей и привычек, которые возникают и с которыми человек как правило ничего не может поделать. Свободно рассуждая о религии, этот джентльмен может быть связан своими предрассудками и внутренне скован: так что, допускаю, что его чувства могут оказаться ошибочными, но поскольку он сугубо пассивен в своём выборе, его можно винить за ошибки не больше, чем губернатора города без стен и башен – за убежище, которое он обязан предоставить вторгшемуся врагу.

– Верно, сын мой, – воскликнул я, – но если губернатор приглашает врага, то он априори виновен. И так всегда бывает с теми, кто погружён в ложь и верно служит одному лишь заблуждению. Порок заключается не в согласии с доказательствами, которые на виду, а в том, что люди слепы к сумме всех иных предлагаемых доказательств. Ясно? Так что, хотя наши ошибочные мнения формируются произвольно, всё же, поскольку мы были умышленно испорчены или слишком небрежны при их

формировании, мы заслуживаем наказания за наш порок или презрения за нашу неосознанную глупость!

Теперь моя жена поддерживала беседу, хотя и не вступала в спор: она заметила, что несколько очень благоразумных мужчин из числа наших знакомых были вольнодумцами и меж тем оказались очень хорошими мужьями; и она знала нескольких благоразумных девушек, у которых было достаточно мастерства, чтобы обратить в свою веру даже старых супругов.

– И кто знает, мой дорогой, – продолжала она, – возможно, что такое чудо преобразования сможет сделать и наша Оливия. Этой девушке есть что сказать по любому поводу, и, насколько мне известно, она очень искусна в любой полемике.

– Моя дорогая! – воскликнул я, – Что ты мелешь? Какую полемику она способна выдержать? Я, даже если изнасилую всю свою память, не смогу припомнить, что я когда-либо давал ей в руки какие-либо книги! Ты, конечно, переоцениваешь все её достоинства!

– В самом деле, папа, – ответила Оливия, – я ни на что и не претендую, я прочитала много разных статей, в которых нет никакого единого мнения. Я прочитала «Споры между Твакумом и Сквером», «Спор между Робинзоном Крузо и дикарём Пятницей», и сейчас я занята чтением «Споров о религиозном уходе».

Я был потрясён!

– Очень хорошо, – воскликнул я, – я нахожу, что ты хорошая девочка, что ты прекрасно подходишь для обращения в любую веру, и так что иди, помоги своей маме приготовить пирог с крыжовником.

Глава VIII

Роман, который не сулит большой удачи, но может принести много пользы

На следующее утро нас снова навестил мистер Берчелл, и хотя по определенным причинам я начал испытывать лёгкое раздражение из-за частых его визитов, но я не мог отказать ему в своём обществе и в убитии времени у камина. Это правда, что его труд с лихвой окупал его увеселения, ибо он усердно трудился среди нас и был первым и на лугу в косьбе, и в возведении стогов сена, а потому ставил себя выше всех. Кроме того, у него всегда в запасе было что-нибудь забавное, что облегчало наш труд, шутка или смешной стишок, и он был таким чудиком и в то же время так разумен, что я всей душой любил его, смеялся над ним и жалел. Единственно, что вызывало мою скрытую неприязнь – так это его напористая привязанность к моей дочери: он в шутку называл её «моей маленькой любовницей», а когда покупал каждой из девочек по набору повязок, её повязка всегда оказывалась самой роскошной. Не знаю, почему, но с каждым днем он, казалось, становился всё более любезным, его остроумие всё более изощрялось, совершенствовалось, а его простота поразительным образом приобретала вид мудрости.

Наша семья пообедала в поле, и мы сидели, или, скорее, возлежали, за своей скромной трапезой, расстелив скатерть на сене, в то время как мистер Берчелл что было сил веселил участников пира. К нашему еще большему удовольствию, два чёрных дрозда перекликались с противоположных изгородей, прилетела знакомая красногрудка и стала клевать крошки у нас из рук, и каждый звук в Природе казался нам всего лишь эхом всемирной гармонии.

– Сидя вот так, – говорит София, – грех не думать о двух влюблённых, так мило описанных мистером Грэм, тех самых, которые умерли в объятиях друг друга. В этом описании есть что – то настолько трогательное, что я перечитывал его сотни раз и каждый раз со всё большим восторгом!

– По-моему, – воскликнул мой сын, – лучшие штрихи в этом описании намного ниже, чем в «Ацисе» и «Галатее» Овидия. Римский поэт лучше понимает контраст, как творческий приём, и от его искусного исполнения зависит вся сила патетики!

– Замечательно, – воскликнул мистер Берчелл, – замечательно, что оба поэта, которых вы помянули, в равной степени способствовали привнесению ложного вкуса в свои страны, наполнив все свои строки излишним пафосом. Даже не слишком одарённые люди находили, что им легче всего подражать в их недостатках, чем в достоинствах, и английская поэзия, как и поэзия поздней Римской Империи, в настоящее время представляет собой не что иное, как комбинацию пышных образов без сюжета или связи; цепочку эпитетов, которые улучшают звучание, но не передают смысла. Но, возможно, мадам, хотя я и осуждаю других таким образом, вы сочтёте вполне справедливым, что я должен дать им возможность отомстить, и на самом деле я сделал это замечание лишь для того, чтобы иметь возможность представить труппе балладу, которая, несмотря на все её недостатки, по крайней мере, свободна из тех, о каких я уже упоминал.

БАЛЛАДА

– Веди меня, пустыни житель,
Святой анахорет;
Близка желанная обитель;
Приветный вижу свет.

Устал я: тьма кругом густая;
Запал в глуши мой след;
Безбрежней, мнится, степь пустая,
Чем дальше я вперед.

– Мой сын, – в ответ пустыни житель, —
Ты призраком прельщен:
Опасен твой путеводитель —
Над бездной светит он.

Здесь чадам нищеты бездомным
Отверзта дверь моя,
И скудных благ уделом скромным
Делюсь от сердца я.

Войди в гостеприимну келью;
Мой сын, перед тобой
И брашно с жесткою постелью,
И сладкий мой покой.

Есть стадо, – но безвинных кровью
Руки я не багрил:
Меня творец своей любовью
Щадить их научил.

Обед снимаю непорочный
С пригорков и полей,
Деревья плод дают мне сочный,
Питье дает ручей.

Войди ж в мой дом – забот там чужды;
Нет блага в суете:
Нам малые даны здесь нужды,
На малый миг и те.

Как свежая роса денницы
Был сладок сей привет;
И робкий гость, склоня зеницы,
Идет за старцем вслед.

В дичи глухой, непроходимой
Его таился кров —
Приют для сироты гонимой,

Для странника – покров.

Непышны в хижине уборы,
Там бедность и покой;
И скрыпнули дверей растворы
Пред мирною четой.

И старец зрит гостеприимный,
Что гость его уныл,
И светлый огонек он в дымной
Печурке разложил.

Плоды и зелень предлагает,
С приправой добрых слов;
Беседой скуку озлащает
Медлительных часов.

Кружится резвый кот пред ними;
В углу кричит сверчок:
Трещит меж листьями сухими
Блестящий огонек.

Но молчалив пришлец угрюмый;
Печаль в его чертах;
Душа полна прискорбной думы
И слёзы на глазах.

Ему пустынный отвечает
Сердечною тоской:
– О юный странник, что смущает
Так рано твой покой?

Иль быть убогим и бездомным
Творец тебе судил?
Иль предан другом вероломным?
Или вотще любил?

Увы! спокой себя; презренны
Утехи благ земных;
А тот, кто плачет, их лишённый,
Ещё презренней их.

Приманчив дружбы взор лукавый,
Но ах! как тень вослед
Она за счастьем, за славой,
И прочь от хилых бед.

Любовь... любовь славна игрою;
Отрава сладких слов:

**Незрима в мире: лишь порою
Живёт у голубков.**

**Но, друг, ты робостью стыдливой
Свой нежный пол открыл...
– И очи странник торопливо,
Краснея, опустил.**

**Краса сквозь легкий проникает
Стыдливости покров;
Так утро тихое сияет
Сквозь завес облаков.**

**Трепещут перси; взор склоненный;
Как роза, цвет ланит...
И деву-прелесть изумленный
Отшельник в госте зрит.**

**– Простишь ли, старец, дерзновенье,
Что робкою стопой
Вошла в твое уединенье,
Где бог один с тобой?**

**Любовь надежд моих губитель,
Моих виновник бед;
Ищу покоя, но мучитель
Тоска за мною вслед.**

**Отец мой знатностию, славой
И пышностью гремел;
Я дней его была забавой;
Он все во мне имел.**

**И рыцари стеклись толпою:
Мне предлагали в дар
Те – чистый, сходный с их душою,
А те – притворный жар.**

**И каждый лестью вероломной
Привлечь меня мечтал...
Но в их толпе Эдвин был скромный;
Эдвин, любя, молчал.**

**Ему с смиренной ницетою
Судьба одно дала:
Пленять высокою душою;
И та – моей была!**

Роса на розе, цвет душистый

**Фиалки полевой
Едва сравниться могут с чистой
Эдвиновой душой.**

**Но цвет с небесною росой
Живут один лишь миг:
Он одарен был их красою,
Я – легкостию их.**

**Я гордой, хладною казалась;
Но мил он втайне был;
Увы! Любя, я восхищалась,
Когда он слезы лил.**

**Несчастный!.. Он не снес презренья;
В пустыню он помчал**

**Свою любовь, свои мученья —
И там в слезах увял.**

**Но я виновна; мне страданье;
Мне увядать в слезах,
Мне будь пустыня та изгнанье,
Где скрыт Эдвин прах.**

**Над тихою его могилой
Конец свой встречу я,
И приношеньем тени милой
Пусть будет жизнь моя!**

**– Мальвина! – старец восклицает,
И пал к ее ногам...
О, чудо! Их Эдвин лобзает;
Эдвин пред нею сам.**

**– Друг незабвенный, друг единый!
Опять навек я твой!
Полна душа моя Мальвиной —
И здесь дышал тобой.**

**Забудь о прошлом; нет разлуки;
Сам бог вещает нам:
Все в жизни радости и муки,
Отныне – пополам.**

**Ах! будь и самый час кончины
Для двух сердец один:
Пусть с милой жизнью Мальвины
Угаснет и Эдвин.**

{Перевод В. А. Жуковского.}

Пока мы читали эту балладу, София, казалось, порхала в эфире, мешая нежность с одобрением. Но вскоре наше спокойствие было нарушено выстрелом из ружья, раздавшимся совсем рядом с нами, и сразу же после этого мы увидели, как мужчина перелезает через изгородь, чтобы забрать убитую им дичь. Этот спортсмен был капелланом сквайра, который подстрелил одного из чёрных дроздов, так приятно развлекавших нас. Такой громкий звук, раздавшийся так близко, испугал моих дочерей, и я заметила, что София в испуге бросилась в объятия мистера Берчелла, ища защиты. Джентльмен подошёл и попросил прощения за то, что побеспокоил нас, заявив, что не знал о нашем присутствии. Поэтому он присел рядом с моей младшей дочерью и, как настоящий спортсмен, предложил ей мясо, которое он убил в то утро. Она собиралась отказаться, но взгляд матери, брошенный на неё украдкой, тут же заставил её исправить эту оплошность и принять его подарок, хотя и с некоторой напускной неохотой. Моя жена, как обычно, шёпотом выразила свою гордость, заметив, что Софи совершенно покорила священника так же, как её сестра – сквайра. Я подозревал, однако, что с большей вероятностью, её привязанность была направлена на другой объект. Миссия священника состояла в том, чтобы сообщить нам, что мистер Торнхилл приготовил музыку и прохладительные напитки и намеревался в тот вечер дать молодым леди бал при свете Луны на лужайке перед нашей дверью.

– Я даже не стану скрывать, – продолжил он, – что мне невероятно приятно первым донести до вас эту весточку, поскольку искренне надеюсь, что в качестве награды я буду удостоен руки мисс Софи в качестве партнера. На это моя девушка ответила, что у неё не было бы возражений, если бы она могла сделать это с честью и по справедливости.

– Но здесь... есть джентльмен, – продолжала она, украдкой кинув взгляд на мистера Берчелла, – который был моим верным товарищем по работе в течение всего дня, и ему по праву подобает разделить со мной не только работу, но и мои развлечения! Мистер Берчелл сделал ей комплимент по поводу её намерений, и тут же вверил её на попечение капеллана, добавив, что в тот вечер он должен был пройти пять миль, так как был приглашён на праздничный ужин. Его отказ показался мне несколько странным, и я не мог понять, как такая разумная девушка, как моя младшенькая, могла предпочесть человека с разбитой судьбой и без гроша в кармане тому, чьи перспективы были намного выше, а состояние – больше. Но как мужчины лучше других приспособлены распознавать тайные достоинства женщин, так и дамы часто формируют о нас самые верные суждения, судя по совсем невинным мелочам. Кажется, что оба пола приставлены шпионить друг за другом и наделены различными способностями и инструментами для взаимного контроля.

Глава IX

Появление на просцениуме двух знатных дам. Кажется, что роскошный наряд всегда свидетельствует о превосходном воспитании

Не успел мистер Берчелл откланяться, а София согласилась потанцевать со священником, как мои малыши выбежали сообщить нам, что пришёл сквайр с целой толпой гостей. Вернувшись, мы застали нашего хозяина в обществе парочки молодых джентльменов и двух богато одетых молодых дам, которых он представил как очень знатных городских модниц. Так получилось, что для всей компании у нас не хватило стульев, но мистер Торнхилл тут же предложил, чтобы каждый джентльмен сидел на коленях у дамы. Я решительно воспротивился этому, несмотря на неодобрительный взгляд моей жены. В связи в этом Мозеса отправили к соседям одолжить пару стульев, а поскольку нам катастрофически не хватало дам, которые могли бы составить компанию на деревенских танцах, двое джентльменов отправились с ним на поиски пары партнерш. Стулья и партнерши ждать себя не заставили и скоро появились. Джентльмены вернулись с румяными, как спелые яблоки, дочками моего соседа Флэмборо, щеголявшими красными пучками на макушке, однако на это неприглядное обстоятельство никто не обратил внимания. Хотя обе мисс Флэмборо считались лучшими танцовщицами в приходе и в совершенстве знали джигу и хоровод, они были совершенными профанами в деревенских танцах. Поначалу это привело нас в замешательство, однако, после небольшой толчеи, наступлений на мозоли и толчков и веселых столкновений, они, наконец, приспособились, и всё пошло как по маслу. Наш оркестр состоял из двух скрипок, свирели и барабана.

Ярко светила Луна, мистер Торнхилл и моя старшая дочь вели бал, к великому удовольствию зрителей; соседи, услышав, что происходит, столпились вокруг нас. Моя девочка двигалась с такой грацией и живостью, что моя жена не могла не обнаружить гордости в своем сердце, заверив меня, что, хотя малышка делала это так ловко, все движения были украдены у неё самой. Горожанки из кожи вон лезли, чтобы быть такими же непринужденными и ловкими, но безуспешно. Они плавали, нежились, замирали и резвились; но все это было коту под хвост, совсем не то, что у моей дочки. Зрители единогласно признали, что это было божественно, один лишь сосед Флэмборо заметил, облизываясь, что ноги мисс Ливи, казалось, так же легко двигались в такт музыке, как и её эхо. После того, как танцы продолжались около часа, две дамы, опасаясь простудиться, решили прервать бал. Одна из них, как мне показалось, выразила свои чувства по этому поводу в очень грубой, пошлой и даже площадной форме, когда заметила:

«Клянусь живым джинго, я вся взмокла от пота!».

Когда мы вернулись домой, нас ждал изысканный холодный ужин, который мистер Торнхилл распорядился принести с собой. Разговор на сей раз был более сдержан, чем раньше. Две дамы совсем задвинули моих девочек в тень, ибо не говорили ни о чём, кроме светской жизни и светского общества, а также о других модных темах, таких как картины с видами на горы, вкусы знати, Шекспир и музыкальные бокалы. Правда, раз или два они с наилучшими намерениями ощутили оскорбили нас, принявшись грязно ругаться и хохотать, но это показалось мне самым верным

признаком их высокого социального статуса (хотя с тех пор мне постоянно твердили, что ругательства и мат совершенно вышли из моды). Однако их роскошные наряды скрывали грубость их речи и делали простительными любые манеры. Я вообще думаю, что было бы хорошо, чтобы большинство женщин вообще не умело говорить и постоянно держало бы свои рты закрытыми.

Мои дочери, казалось, смотрели на этих прекрасных небожительниц с откровенным восхищением и завистью, а то, что казалось неправильным, ещё более возносило их и объяснялось уникально-первоклассным воспитанием. Но снисходительность дам по-прежнему превосходила все остальные их достоинства. Одна из них заметила, что, если бы мисс Оливия побольше повидала мир, это значительно улучшило бы её ауру и статус. На что другая добавила, что всего одна зима, проведенная в городе, сделала бы её маленькую Софию совсем другой, много лучше. Моя жена горячо поддакивала, вероятно не слишком вслушиваясь в слова, и одобрила и то, и другое, добавив, что ничего так горячо не желает, как привести своих дочерей в порядок хотя бы раз в течение зимы. На это я не мог не ответить, что их воспитание и так превосходит всё остальное, а эта чрезмерная и малопредставимая в наших условиях утонченность преподнесла бы их бедность только ещё более смехотворной и привила бы им вкус к удовольствиям, на которые им лучше даже не покушаться...

– А какими удовольствиями? – воскликнул мистер Торнхилл, – Разве они не заслуживают обладать всем лучшим в мире, ведь в их власти дать столь много? Что касается меня, – продолжал он, – то моё состояние довольно велико, и поскольку это так и есть, любовь, свобода и удовольствия – вот мои принципы, но будь я проклят, если половина моего состояния сможет доставить удовольствие моей очаровательной Оливии, она должна получить его всё! И единственное одолжение, о котором я попросил бы в ответ, – это присоединиться к моему благотворительному фонду!

Я не такой уж профан в этом мире, чтобы не понимать, что такие речи – лишь модный метод скрыть наглость самого низкого пошиба, но я сделал великое усилие, чтобы подавить свое негодование.

– Сэр, – воскликнул я, – семья, которую вы сейчас удостаиваете своим обществом, воспитана в таком же высоком чувстве чести, как и вы! Любые попытки ущемить это чувство могут иметь очень опасные последствия! Честь, сэр, в настоящее время – наше единственное достояние, и с этим последним сокровищем мы должны быть особенно осторожны!

Вскоре я пожалел о своей горячности, с которой произнес эти слова, когда молодой джентльмен, пожав мне руку, поклялся, что одобряет мой дух, хотя и не одобряет моих подозрений.

– Что касается вашего теперешнего намёка, – продолжал он, – то, уверяю вас, ничто не было так далеко от моих намерений, как подобная мысль. Нет, как бы это ни было заманчиво, добродетель, способная выдерживать настоящую, долгую и нудную осаду, мне не по вкусу, это моветон, и все мои любовные похождения должны завершаться решающим ударом!

Обе дамы, которые делали вид, что ничего не знают об остальном, были, по видимому, крайне недовольны этим последним проявлением вольности и завели очень осторожный и серьезный разговор о добродетели, к которому вскоре присоединились моя жена, капеллан и я. Разговор дошёл до того, что самого сквайра в конце концов заставили исповедаться в грехе, предавшись чувству сожаления о своих прежних излишествах. Мы говорили о чистых радостях воздержания и о том, что разум освещет Солнце, не омраченное чувством вины. Я был очень доволен,

что мои малышки не ложились спать дольше обычного, и ведя приятные беседы, получали наставление от такого количества опытных наставников. Мистер Торнхилл пошёл даже дальше меня и спросил, не возражаю ли я против того, чтобы помолиться. Я с радостью принял это предложение, и, таким образом, вечер прошёл самым приятнейшим образом, пока, наконец, компания не стала подумывать о возвращении восвояси. Дамы, казалось, страшно не хотели расставаться с моими дочерьми, к которым они стали внезапно питать особую привязанность, и присоединились к просьбе доставить им удовольствие побыть в их обществе дома. Сквайр поддержал это предложение, а моя жена присоединилась к его просьбам. Девочки тоже смотрели на меня так, словно хотели уйти. В полном замешательстве я придумал две или три отговорки, (я бы даже рискнул назвать их отмазами) которые мои дочери с такой же готовностью отвергли, так что в конце концов я был вынужден дать категорический отказ, на что весь последующий день мы не получали ничего, кроме угрюмых, косых взглядов и коротких, резких отказов.

Глава X

Семья старается держать нос морковкой и сравняться с теми, кто выше её по положению. Несчастливы бедняки, которые пытаются казаться преуспевающими богачами

Скоро я стал замечать, что все мои долгие и мучительные лекции о воздержании, простоте и удовлетворённой бедности почти полностью игнорируются. Знаки внимания, которые в последнее время расточали нам те, кто был много выше нас по положению, пробудили во мне гордыню, которую я усыпил, так и не избавившись от неё. Наши подоконники снова, как и прежде, были захламлены средствами для умывания шеи и лица. Теперь мы стали бояться Солнца, как непримиримого врага белизны кожи, а огня из очага – как источник порчи цвета лица. Моя жена наконец заметила, что слишком ранний подъём вредит глазам её дочерей, что от работы после обеда у них краснеют носы, и убедила меня, что руки никогда не выглядят такими белыми, как когда они ничего не делают и висят плетью. Таким образом, вместо того чтобы штопать рваные рубашки Джорджа, мы теперь делали их заново, перешивая старые ткани из марли или обрабатывая кетгут. Бедные мисс Флэмборо, обе их бывшие весёлые спутницы, теперь были отвергнуты, как ничтожные хабалки, и весь разговор шёл о светской жизни и светском обществе, о картинах, вкусах, Шекспире и музыкальных бокалах. Но мы вполне могли бы вынести всё это, если бы как-то раз не пришла цыганка-гадалка, чтобы возвысить нас до подлинного совершенства. Не успела появиться эта смуглая сивилла, как мои девочки бросились ко мне просить по шиллингу, чтобы я украсил её руку серебром. По правде говоря, я устал быть всегда мудрым и не мог не удовлетворить их просьбу, потому что мне, как хорошему отцу, нравилось видеть их счастливыми. Я дал каждой из них по шиллингу, хотя, к чести семьи, следует заметить, что сами они никогда не оставались без денег, поскольку моя жена всегда щедро давала им по гинее, чтобы они держали гинею в кармане; но со строгим наказом никогда не менять её. После того, как они на некоторое время уединились с гадалкой, по их сияющим глазам, их опалелым взглядам, когда они вернулись, я понял, что им было обещано нечто совершенно грандиозное.

– Ну, девочки мои, как у вас дела? Скажи мне, Ливи, предсказательница наговорила тебе хоть на ломаный грош?

– Как бы не так, папуля! – говорит моя девочка, – Я думаю, она имеет дело по крайней мере с нечистой силой, минуту назад она решительно заявила, что я выйду замуж за сквайра «меньше чем через год»!

– Ну, Софи, дитяtko моё, – говорю я, – и какой же у тебя будет муж?

– Сэр! – отвечает она, – У меня будет в мужьях лорд и это вскоре после того, как моя сестра выйдет замуж за сквайра!

– Как? – воскликнул я, – И это всё, что вам скинут с небес за целых два шиллинга? Только лорд и всего лишь сквайр за два шиллинга! Глупышки, я мог бы пообещать вам принца и набоба и за половину этих денег!

Однако это их любопытство имело очень серьёзные последствия: мы начали думать, что созданы звёздами для чего-то исключительно возвышенного, и уже предвкушали свое будущее величие. Тысячу раз было замечено, и я должен повто-

рить это ещё раз, что часы, которые мы проводим в предвкушении счастливых перспективных, гораздо приятнее тех, что уже увенчаны сладкими плодами. В первом случае мы готовим блюдо по своему вкусу, во втором – сама Природа готовит его за нас. Невозможно повторить череду приятных грёз, которые мы вызвали для своего развлечения.

Мы считали, что наше благосостояние снова растёт, как на дрожжах, и, поскольку весь приход утверждал, что сквайр влюблён в мою дочь, она действительно была влюблена в него, потому что они убедили её в этой страсти. В этот приятный промежуток времени моей жене снились самые счастливые сны на свете. И она старалась рассказывать нам о них каждое божье утро с большой торжественностью и точностью. Однажды ночью ей приснился гнилой гроб и скрещенные кости – знак неминуемо приближающейся свадьбы. В другой раз она ей представилось, что карманы её дочерей набиты фартингами, а это верный признак того, что вскоре они будут набиты золотом. У самих девушек появились свои особые приметы. Они чувствовали странные поцелуи на своих губах, видели кольца в свечном дыму, кошельки, отскакивающие от огня, и чудные любовные узелки, упрятанные на дне каждой чайной чашки.

Ближе к концу недели мы получили открытку от городских дам, в которой они с наилучшими пожеланиями выражали надежду увидеть всю нашу семью в церкви на следующее воскресенье. Из-за этого всё субботнее утро я мог наблюдать, как моя жена и дочери тесно кучкуются друг с другом, переглядываются да перешёптываются, и время от времени бросают на меня взгляды, свидетельствующие о скрытом заговоре. Честно говоря, у меня были сильные подозрения, что назавтра готовится какая-то абсурдная авантюра, которая должна была прозвучать с блеском и помпой. Вечером они вели себя, как обычно, но моя жена взялась вести осаду. После чая, когда я, казалось, был в приподнятом настроении, она начала издали:

– Мне кажется, Чарльз, дорогой мой, завтра у нас в церкви соберутся все сливки общества!

– Возможно, так и будет, дорогая моя, – ответила я, – хотя тебе не стоит беспокоиться, тебя скорее должно беспокоить, будет ли проповедь или нет!

– Именно этого я и жду! – ответила она. – Но я думаю, мой дорогой, что мы должны появиться там как можно более пристойно, потому что кто знает, что может случиться?

– Ваши предосторожности, – ответил я, – заслуживают самой высокой оценки! Достойное поведение и внешний вид в церкви – вот что меня восхищает больше всего! Мы должны быть набожными и смиренными, веселыми и безмятежными, не так ли?

– О, да! – воскликнула она, – Я знаю это, но я имею в виду, что мы должны прийти туда как можно более подобающим образом, а не так, как эти оборванцы вокруг нас!

– Ты совершенно права, моя дорогая, – ответил я, – и я собирался сделать тебе то же самое предложение. Лучше всего прийти туда как можно раньше, чтобы успеть поразмыслить осущем перед началом службы!

– Фу, Чарльз, – перебила она, – все это очень верно, но этоне то, что я хотела бы видеть... Я имею в виду, что мы должны пойти туда с достоинством. Ты знаешь, что церковь находится в двух милях отсюда, и я протестую, мне не нравится видеть, как мои дочери плетутся к своей скамье, раскрасневшиеся от ходьбы, и смотрят на весь мир так, словно они победили в забеге в халатах! Итак, мой дорогой, мое предложение таково: вот две наши пахотные лошади – жеребёнок, который служит нашей

семье уже девять лет, и его компаньон Ежевика, которые за прошедший месяц почти ничего не сделали. Они оба растолстели и обленились. Почему бы им не сделать что-то так же хорошо, как нам? И позволь мне сказать тебе, что, когда Моисей их немного подстрижёт, они будут выглядеть вполне сносно!

На это предложение я возразил, что пешая прогулка была бы в двадцать раз более благородным занятием, чем такое жалкое средство передвижения, поскольку Ежевика косоглазый, а Жеребёнку нужен хвост, я привёл веский довод, что их никогда не привязывали к поводьям, но они знают сотню ужасных трюков и ужимок, а у нас только одно седло и заднее сиденье во всём доме. Однако все эти возражения были сразу отринуты, так что я был вынужден подчиниться. На следующее утро я заметил, что они были весьма заняты сбором ресурсов, которые могли понадобиться для экспедиции; но так как я понял, что это займёт много времени, я зашёл в церковь раньше, и они пообещали вскоре последовать за мной. Я прождал около часа в читальном зале, ожидая их прихода; но, не обнаружив, что они пришли, как ожидалось, я был вынужден начать и прочёл службу, не без некоторого беспокойства, обнаружив, что они отсутствуют.

Когда все было закончено, моё подозрение только усилилось, а семья так и не появилась. Поэтому я пошёл обратно конным путем, который составлял пять миль в окружности, хотя пешком было всего две, и, когда прошёл примерно половину пути домой, увидел кавалькаду, со скоростью каварерийской черепахи двигавшуюся к церкви – мой сын, моя жена и двое малышей восседали на одной лошади, а на другой – две мои дочери. Я спросил, в чём причина их задержки, но, судя по их виду, вскоре понял, что в дороге они столкнулись с тысячью мелких неприятностей. Сначала лошади отказывались трогаться с места, пока мистер Берчелл не стал настолько любезен, что прогнал их вперёд примерно на двести ярдов своей дубинкой. Затем ремни заднего сиденья моей жены порвались, и они были вынуждены остановиться, чтобы починить их, прежде чем продолжить путь. После этого одной из лошадей взбрело в голову остановиться, и ни удары, ни уговоры не могли заставить её двигаться дальше. Я нашёл их, когда они только оправлялись от этой печальной оказии; но, видя, что всё в порядке, признаюсь, их нынешнее унижение не слишком огорчило меня, поскольку это дало бы мне много возможностей для будущего триумфа и научило бы моих дочерей большому смирению.

Глава XI

Семья по-прежнему полна решимости высоко держать планку и нос по ветру

На следующий день, в канун Рождества, нас пригласили в компанию пожарить орешки и подшутить над соседом Фламборо. Наши недавние унижения немного смирили нас, иначе, вероятно, мы с презрением отвергли бы такое приглашение; однако мы позволили себе быть счастливыми и теперь. Гусь и клецки, приготовленные нашим честным соседом, были великолепны, а рулет из баранины, даже по мнению моей жены, которая была большим знатоком, оказался превосходен. Правда, его манера рассказывать истории была не столь изысканной. Рассказы его были слишком длинными, и очень скучными, и сочредотачивались исключительно на нём самом и его персоне, и мы уже раз десять смеялись над ними, однако были достаточно любезны, чтобы посмеяться над ними ещё раз.

Мистер Берчелл, который был участником вечеринки, всегда любил затеять какое-нибудь невинное развлечение и предложил мальчикам и девочкам поиграть в жмурки. Мою жену тоже уговорили присоединиться к развлечению, и мне было приятно увидеть, что она любит подурачиться и ещё не слишком взрослая. Тем временем мы с соседкой наблюдали за происходящим, смеялись над каждым нашим подвигом и хвалили нашу собственную ловкость, вспоминая те времена, когда мы были маленькими. Затем подали горячие устрицы, за которыми последовали вопросы и шарады, и, наконец, они принялись охотиться за туфелькой. Поскольку не каждый человек может быть знаком с этим первобытным времяпрепровождением, возможно, будет необходимо заметить, что когда компания при этом играет в кольцо на земле, все замирают, кроме одного, стоящего посередине, чья задача – поймать ботинок, который компания засовывает себе под зад от одного к другому, что-то вроде ткацкого челнока. Поскольку в данном случае для дамы, которой предстоит встретиться лицом к лицу со всей компанией одновременно, это невозможно, вся прелесть игры заключается в том, чтобы ударить её каблуком туфли с той стороны, которая меньше всего способна защищаться. Вот так моя старшая дочь была зажата в угол и металась, вся взвинченная, в приподнятом настроении, и вошла о честной игре, о честной игре, голосом, который мог бы оглушить исполнителя баллад, когда в комнату ворвались неразбериха за неразберихой, чушь за чушью, дурь за дурью, и кто же это были, как не двое наших больших знакомиц из города, леди Бларни и мисс Каролина Вильгельмина Амелия Скеггс! Описание этого мгновения было бы слишком нелюбезным, поэтому мне нет необходимости заостряться на описании этого нового унижения.

Смерть! Лучше бы я умер в корчах! Боже мой! Быть увиденным дамами столь высокого воспитания и манер в таких вульгарных позах! Ничего лучшего нельзя было придумать! Вот что только могло произрасти из столь вульгарной пьесы, предложенной мистером Фламборо! На какое-то время мы словно приклеились, приросли к земле, словно окаменели от изумления. Эти две дамы пришли к нам, чтобы повидаться с нами, и, увидев, что нас нет дома, пришли за нами сюда, так как им было не по себе узнать, что за несчастный случай мог помешать нам прийти в церковь накануне. Оливия взяла на себя роль нашего ведущего и гида, и рассказала

всё в общих чертах, добавив только: «Нас сбросило с лошадей!» По этому поводу дамы высказали чрезвычайную обеспокоенность; но, узнав, что семья не пострадала, вздохнули с облегчением, они были этому чрезвычайно рады; но, узнав, что мы чуть не погибли от испуга, они снова очень огорчились; но, услышав, что мы провели очень хорошую ночь, они снова очень обрадовались. Ничто не могло сравниться с их любезностью по отношению к моим дочерям – прошлым вечером их признания были тёплыми, но сейчас они были пылкими. В конце концов они заявили о желании завязать более продолжительное знакомство. Леди Бларни была особенно привязана к Оливии; мисс Каролине Вильгельмине Амелии Скеггс (я люблю называть её имя полностью – оно очень музыкально) больше понравилась ее сестра. Они бодро поддерживали беседу между собой, в то время как мои дочери хранили кладбищенское молчание, втайне восхищаясь своим благородным происхождением. Но поскольку каждый читатель, каким бы бедным он ни был, любит светские диалоги с анекдотами о лордах, леди и кавалерах ордена Подвязки, я вынужден просить позволения изложить ему заключительную часть этой беседы.

– Все, что я знаю об этом деле, – воскликнула мисс Скеггс, – это то, что это может быть правдой, а может и не быть... Но в одном я могу заверить вашу светлость, что бал был потрясающим: его светлость побледнел, миледи впала в панику, издавая разные звуки; но сэр Томкин, обнажив меч, поклялся, что будет принадлежать ей до последней капли своей крови.

– Что ж, – ответила наша красотка, – вот что я могу сказать: голландка никогда не рассказывала мне ни слова об этом деле, и я верю, что её светлость ничего не стала бы скрывать от меня. Можете не сомневаться, что на следующее утро милорд герцог трижды крикнул своему камердинеру: «Джерниган, Джерниган, Джерниган, принеси мне мои подвязки!»

Но раньше я должен был упомянуть об очень невежливом поведении мистера Берчелла, который во время этой беседы сидел, нгахохлившись, отвернувшись к огню, и в конце каждого предложения выкрикивал «Помадка! Вкусняшка!» – выражения, которые не нравились нам всем и в какой-то мере охлаждали наши оживлённые беседы.

– Кроме того, моя дорогая Скеггс, – продолжала наша несравненная, – ничего подобного нет в сборнике стихов, который доктор Бердок подготовил по этому случаю. Фадж!

– Меня это удивляет, – воскликнула мисс Скеггс, – потому что он редко что-нибудь упускает из виду, поскольку пишет исключительно для собственного развлечения. Но не могла бы ваша светлость оказать мне честь и показать их? Фадж!

– Моя дорогущка! – ответила наша несравненная, – неужели ты думаешь, что я ношу с собой такие вещи? Хотя, конечно, они очень хороши, и я считаю себя в некотором роде судьей, по крайней мере, я знаю, что мне нравится. На самом деле, я всегда была самым большим поклонником всех маленьких шедевров доктора Бердока, потому что, кроме того, что он делает, и нашей дорогой графини с Ганновер-сквер, в природе не бывает ничего, кроме самых низменных вещей, в которых нет ни капли светской жизни.

– Какая чушь!

– Чушь? Вашей светлости следует, – говорит другая, – вспомнить свои вещи в «Дамском журнале». Надеюсь, вы скажете, что в них там нет ничего пошлого? Но, говорят, что источник скоро иссякнет полностью, и я полагаю, мы больше ничего не получим из этого магазина?

– Чушь!

– Дорогая моя, – говорит дама, – ты же знаешь, что моя читательница и компаньонка ушла от меня, чтобы выйти замуж за капитана Роуча, а поскольку мои бедные глаза не позволяют мне писать самой, я уже некоторое время присматриваю себе другую компаньонку. Найти подходящую девушку нелегко, и, конечно, тридцать фунтов в год – это небольшое жалование для благовоспитанной девушки с характером, которая умеет читать, писать и вести себя в обществе. Что же касается светских сплетен, то их ни у кого нет.

– Помадка! Вкусняшка!

– Это я знаю по собственному опыту, – воскликнула мисс Скеггс. Из трёх компаньенок, которые были у меня за последние полгода, одна отказалась выполнять простую работу хотя бы час в день, другая сочла, что двадцать пять гиней в год – слишком маленькая зарплата, а третьего я была вынуждена уволить её, потому что заподозрила интригу с капелланом. Добродетель, моя дорогая леди Бларни, добродетель стоит любой цены, но где её найти?»

– Чушня!

Моя жена долгое время внимательно слушала эту беседу, но особенно её поразили финал. Тридцать фунтов и двадцать пять гиней в год составляли пятьдесят шесть фунтов и пять шиллингов английских денег, которые, в некотором роде, можно было раздобыть в семье. Она с минуту изучала мою внешность в поисках одобрения, и, по правде говоря, я придерживался мнения, что два таких платья как раз подошли бы нашим двум дочерям. Кроме того, если бы сквайр по-настоящему любил мою старшую дочь, это был бы способ сделать её достойной своего состояния. Поэтому моя жена решила, что мы не должны быть лишены таких преимуществ из-за отсутствия уверенности, и взялась за защиту семьи.

– Надеюсь, – воскликнула она, – ваши светлости простят мне мою самонадеянность. Это правда, мы не имеем права претендовать на такие милости, но все же для меня естественно желать, чтобы мои дети преуспели в этом мире. И я возьму на себя смелость сказать, что две мои девочки получили неплохое образование и способности, по крайней мере, в стране нет ничего лучше. Они умеют читать, писать и разыгрывать роли; они умеют обращаться с иглой, вышивать крестиком и мелочь, а также выполнять все виды простой работы; они могут вышивать розочками, кружевом и оборками; и немного разбираются в музыке; они могут шить маленькие платки, работать с чем угодно; моя старшая умеет резать бумагу, а младшая очень мило рисует А гадание на картах?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.